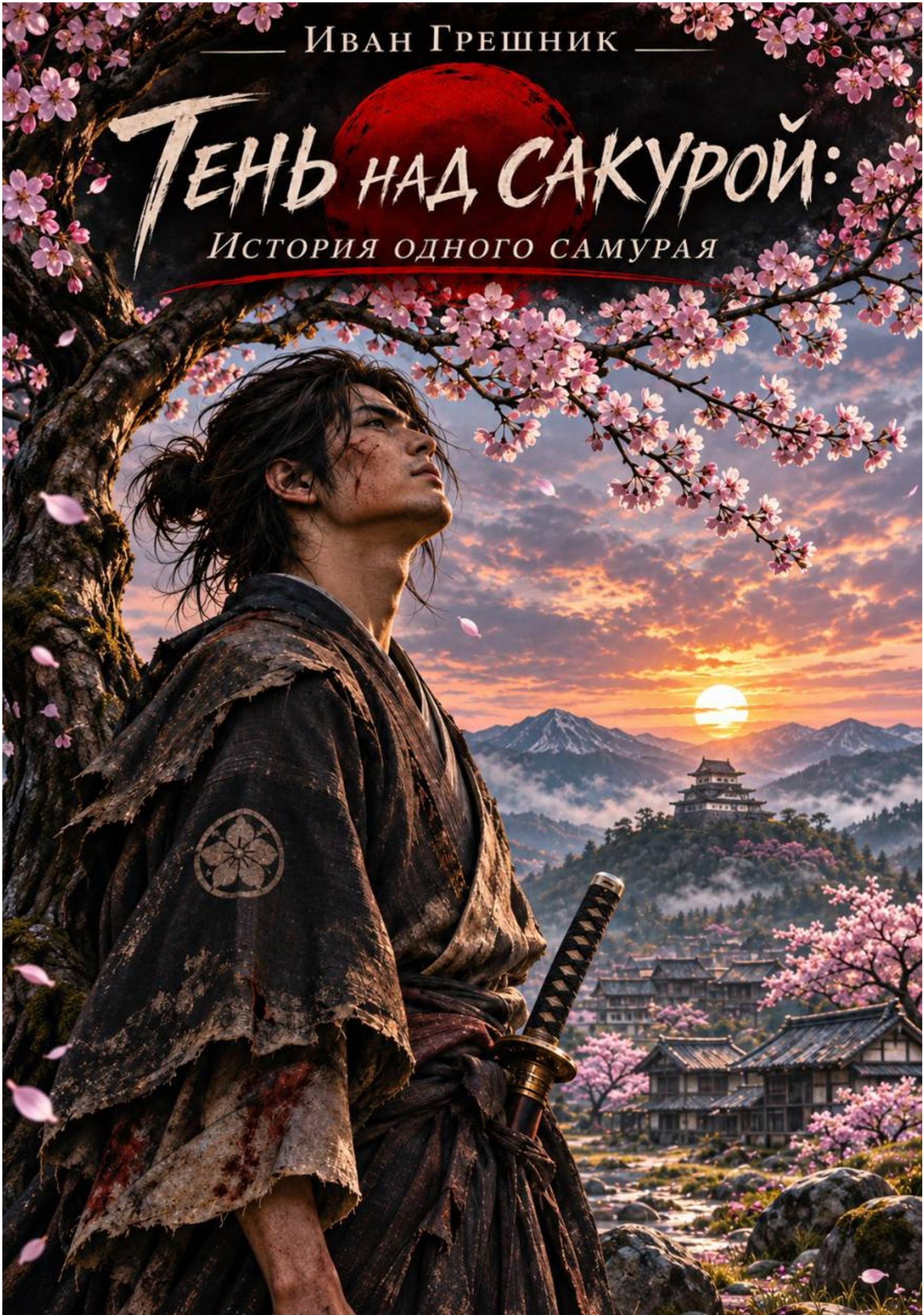
Иван Грешник

Тень над сакурой:

История одного самурая



Иван Грешник

Тень над сакурой: история одного самурая

«Автор»
2026

Грешник И.

Тень над сакурой: история одного самурая / И. Грешник — «Автор», 2026

В мире, где честь самурая соседствует с предательством, а власть скрывается за стенами древних замков, начинается история Харуто — сына самурая из небольшой деревни Акахара.Когда тайная организация Курогири уничтожает его родной дом, убивает отца и забирает мать, мальчик остаётся один. Спасённый старым воином Сэйгэном, он проходит суровое обучение, чтобы однажды встретиться с теми, кто разрушил его жизнь.Повзрослев, Харуто становится странствующим самураем, защищает невинных и постепенно раскрывает заговор, угрожающий всему государству. Его путь приводит ко двору сёгуна, кровавым сражениям, предательству и последнему противостоянию с Чёрным туманом.Но сможет ли он отличить справедливость от мести и сохранить честь, когда потеряет почти всё?«Тень над сакурой» — исторический роман о долге, верности, семейных узах, силе духа и выборе между ненавистью и милосердием.**

© Грешник И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 2. Уроки отца 14
Глава 3. Путь бусидо 21
Глава 4. Последний спокойный вечер 28
Глава 5. Чёрные тени 35
Глава 6. Пепел родного дома 42
Часть II. Ученик гор 51
Глава 7. Дорога в никуда 51
Глава 8. Старик из горной хижины 59
Глава 9. Два вопроса 67
Глава 10. Испытание молчанием 75
Глава 11. Искусство невидимого движения 82
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Иван Грешник
Тень над сакурой: история одного самурая

Пролог

В Японии говорили, что жизнь самурая подобна цветению сакуры.

Она прекрасна, но коротка. Её лепестки могут долго держаться на ветвях, однако достаточно одного сильного порыва ветра, чтобы они разлетелись по земле. Так и человек: сегодня он стоит с мечом в руках, защищая свой дом и честь семьи, а завтра его имя может остаться лишь в воспоминаниях тех, кто знал его при жизни.

В те времена меч был не просто оружием. Он символизировал положение человека, его честь, верность и ответственность. Самурай мог потерять богатство, титул и даже господина, но потерять собственное достоинство считалось куда страшнее смерти.

Так учили молодое поколение.

Так говорили старые воины.

Так звучали наставления отцов, передававших своим сыновьям не только оружие, но и представление о том, каким должен быть настоящий человек.

Однако мир редко соответствовал идеалам.

За высокими стенами замков заключались тайные соглашения. Военные дома боролись за влияние, чиновники продавали сведения, а люди, обладавшие властью, нередко забывали о тех, ради кого эта власть существовала.

Пока одни самураи следовали кодексу чести, другие использовали его как красивую маску.

И в тени большого политического мира постепенно разрасталась организация, чьё название произносили шёпотом.

Курогири.

Чёрный туман.

Никто точно не знал, когда она появилась и кто первым собрал под этим именем воинов, разведчиков и наёмных убийц. Одни считали её остатками старых разведывательных отрядов. Другие утверждали, что она была создана влиятельными военными домами для выполнения поручений, которые нельзя было доверить обычным солдатам.

Но со временем Курогири перестала служить кому-либо.

Она начала служить самой себе.

Её люди покупали сведения, подкупали чиновников, устраняли неугодных и вмешивались в решения правителей. Они не стремились открыто захватить власть. Им было достаточно управлять теми, кто её удерживал.

Их оружием были не только клинки.

Ими становились страх, ложь, деньги и чужие тайны.

Среди людей, знавших об этой организации, находился один человек, который отказался подчиниться.

Его звали Масанори.

Когда-то он был самураем военного отряда и участвовал в сражениях, определявших судьбу нескольких провинций. Он видел гибель товарищей, предательство командиров и разрушенные поселения. Он знал цену приказам, которые отдавались из безопасных покоев людьми, никогда не державшими меча в руках.

Однажды на поле боя он спас жизнь молодому воину, которому предстояло стать сёгуном.

Их пути разошлись, но имя Масанори осталось в памяти будущего правителя.

Позднее Масанори покинул военную службу и поселился в небольшой деревне Акахара, расположенной в провинции Синано.

Он хотел простой жизни.

Дом, жена, сын, несколько деревьев возле крыльца и спокойные вечера после работы.

Ему казалось, что после долгих лет войны он наконец заслужил покой.

Но прошлое не всегда отпускает тех, кто пытается оставить его позади.

Однажды Масанори обнаружил сведения, которые могли разрушить влияние Курогири. Он узнал имена людей, участвовавших в незаконных поставках оружия, тайных переговорах и подготовке политического заговора.

Он мог передать эти сведения тем, кто предлагал ему щедрое вознаграждение.

Мог закрыть глаза и продолжить жить рядом с семьёй.

Но Масанори слишком хорошо знал, к чему приводит молчание перед лицом несправедливости.

Он отказался.

И этим подписал приговор своему спокойствию.

В нескольких днях пути от Акахары человек в тёмном одеянии получил короткое донесение.

На небольшом листе бумаги находилось всего несколько строк:

«Масанори продолжает хранить сведения. На предложение сотрудничать ответил отказом. В деревне живёт с женой и малолетним сыном. Наблюдение продолжается».

Человек прочитал послание и поднёс его к пламени лампы.

Бумага медленно почернела, свернулась и превратилась в пепел.

— Он знает слишком много, — произнёс стоявший рядом воин.

— Тогда нужно заставить его замолчать.

— А семья?

Человек некоторое время молчал.

— Семья не должна стать препятствием для выполнения приказа.

Он повернулся к окну.

За пределами помещения лежала темнота.

— Но пока не торопитесь. Нужно выяснить, где находятся остальные документы. Возможно, Масанори знает не всё.

В это же время в Акахаре наступал обычный вечер.

Над деревней медленно опускались сумерки. В домах зажигались фонари, крестьяне возвращались с полей, а возле кузницы ещё слышались удары молота.

В небольшом доме на окраине Масанори сидел вместе с женой Аки.

Их восьмилетний сын Харуто находился во дворе. Он пытался повторить движения отца, размахивая деревянным мечом.

Масанори наблюдал за ним через открытую дверь.

— Он становится сильнее, — сказала Аки.

— Да. Но пока слишком торопится.

Женщина улыбнулась.

— В его возрасте ты тоже был нетерпеливым.

— Я был гораздо терпеливее.

Аки рассмеялась.

Масанори тоже улыбнулся.

Он смотрел на сына и думал о будущем, которое хотел для него.

Харуто должен был вырасти человеком, способным отличать справедливость от жестокости. Он должен был научиться владеть оружием, но никогда не использовать его ради гордо-

сти. Он должен был знать, что настоящая сила заключается не в способности причинять боль, а в готовности защитить того, кто слабее.

Масанори верил, что сможет передать ему всё необходимое.

Он ещё не знал, сколько времени ему осталось.

За деревьями, возле старой дороги, неподвижно стоял человек.

Его фигура почти сливалась с вечерней тенью. На левом запястье под рукавом виднелся небольшой металлический знак — чёрный круг, пересечённый тонкой серебряной линией.

Он наблюдал за домом Масанори.

За мужчиной, который учил сына владеть деревянным мечом.

За женщиной, которая готовила ужин.

За мальчиком, который смеялся, ещё не понимая, насколько жестоким может оказаться мир.

Наконец наблюдатель развернулся и исчез среди деревьев.

А над Акахарой продолжали цвести сакуры.

Их лепестки медленно опускались на крыши, дорожки и землю, словно природа пыталась укрыть деревню от всего, что могло произойти.

Но тень уже приблизилась.

Она ещё не коснулась домов.

Не коснулась людей.

Не коснулась мальчика, которому суждено было пройти через боль, потерю, обучение и кровь.

Однако путь Харуто уже начался.

Впереди его ждала дорога, на которой ему предстояло узнать цену чести, силу милосердия и тяжесть последнего долга.

И однажды, оказавшись перед выбором между местью и защитой, он должен будет решить, кем станет: оружием чужой ненависти или человеком, способным остановить тьму.

Потому что иногда самый трудный бой самурай ведёт не с противником, стоящим перед ним, а с тьмой, которая постепенно просыпается внутри него.

Часть I. Детство под клинком
Глава 1. Сын самурая
Япония. Провинция Синано. Последние годы эпохи междоусобных войн.

На востоке медленно поднималось солнце, окрашивая горные вершины в нежно-золотистый цвет. Между холмами стелился утренний туман, цепляясь за верхушки сосен и кедров. В низине журчала река, чьи холодные воды брали начало высоко в горах и неслись мимо небольших поселений, рисовых полей и старых храмов.

У подножия одной из гор располагалась деревня Акахара. Несколько десятков деревянных домов с соломенными крышами теснились вдоль узких тропинок. Здесь жили крестьяне, ремесленники, торговцы и несколько семей, принадлежавших к самурайскому сословию.

Жизнь в деревне текла размеренно. Мужчины работали на полях, женщины занимались хозяйством, дети играли возле ручья, а старики проводили вечера у очагов, рассказывая истории о давно минувших войнах.

На окраине поселения, рядом с небольшим бамбуковым лесом, стоял дом Масанори.

Он был самураем.

Когда-то Масанори служил одному из местных даймё, участвовал в военных походах и сопровождал знатных господ во время путешествий. Его имя было известно среди воинов провинции, хотя сам он никогда не стремился к славе. После окончания очередной войны Масанори оставил службу и поселился в Акахаре вместе с женой и маленьким сыном.

Он не был богат. Его дом ничем не отличался от соседских жилищ, а земельный участок был настолько невелик, что едва обеспечивал семью всем необходимым. Но у Масанори оставалось то, что он считал гораздо более ценным, — честь своего рода и два меча, передававшихся от отца к сыну.

Старшему из них, катане, было уже много лет. На ножнах виднелись потёртости, а на рукояти потемнела тканевая обмотка. Однако клинок по-прежнему оставался острым. Масанори заботился о нём с той же тщательностью, с какой относился к собственному телу.

Его сыну Харуто исполнилось восемь лет.

Мальчик рос любознательным, упрямым и подвижным. Он с ранних лет наблюдал за тренировками отца и мечтал однажды стать таким же искусным воином. Иногда он брал деревянную палку и представлял, будто сражается с невидимыми противниками, защищая родную деревню от разбойников.

Масанори не запрещал ему играть, но всегда напоминал, что владение мечом начинается не с ударов.

Оно начинается с дисциплины.

Каждое утро, ещё до восхода солнца, Харуто просыпался от негромкого скрипа раздвижной двери.

Отец уже выходил во двор.

На нём было простое тёмное кимоно, волосы собраны в узел. Он становился посреди утоптанной земли, принимал стойку и начинал медленно двигаться, будто весь окружающий мир переставал для него существовать.

В тот день Харуто поспешно выбежал из дома, держа в руках деревянный меч.

— Ты снова опоздал, — произнёс Масанори.

— Но солнце ещё не взошло!

— Воин не должен сравнивать своё усердие с движением солнца.

Мальчик поклонился и встал напротив отца.

— Сегодня я буду учиться настоящему удару?

— Сегодня ты будешь учиться правильно стоять.

Харуто недовольно нахмурился.

— Мы уже целую неделю учимся стоять.

— И пока ещё не научились.

Масанори показал положение ног, слегка согнул колени и поднял деревянный меч. Харуто повторил движение, но слишком широко расставил ступни.

Отец приблизился и поправил его стойку.

— Не напрягай плечи. Не поднимай подбородок. Следи за дыханием.

— Но я хочу научиться сражаться!

— А я хочу, чтобы ты сначала научился не падать.

Тренировка продолжилась.

Масанори двигался медленно, позволяя сыну повторять каждое движение. Когда Харуто ошибался, отец останавливал его и заставлял начинать заново. Иногда мальчику казалось, что тренировка никогда не закончится.

Спустя некоторое время его руки начали дрожать.

— Я больше не могу, — произнёс он.

— Тогда опусти меч.

Харуто удивлённо посмотрел на отца.

— Вы не будете меня ругать?

— За что?

— За то, что я устал.

Масанори убрал деревянный меч за пояс.

— Усталость не делает тебя слабым. Но если ты будешь скрывать её от самого себя, однажды она победит тебя в самый неподходящий момент.

Он присел перед сыном.

— Запомни, Харуто. Настоящий воин должен знать свои возможности. Безрассудство часто принимают за храбрость, но между ними огромная разница.

Мальчик кивнул, хотя до конца не понял сказанного.

— Завтра продолжим?

— Завтра.

Харуто улыбнулся.

Мать мальчика звали Аки.

Она была доброй и терпеливой женщиной. Её спокойный голос редко повышался, а руки всегда находили себе работу. Она готовила пищу, занималась огородом, сушила лечебные травы и помогала жителям деревни, если кто-нибудь заболевал.

В отличие от мужа, Аки никогда не считала воинское воспитание главным в жизни сына.

Она хотела, чтобы Харуто вырос не только сильным, но и добрым человеком.

Однажды утром она попросила его отнести корзину с рисом старой госпоже Нао, которая жила возле храма.

Харуто в это время тренировался с деревянным мечом.

— Но я ещё не закончил, — возразил он.

— Твоя тренировка никуда не исчезнет.

— Отец говорит, что я должен быть дисциплинированным.

Аки улыбнулась.

— Тогда прояви дисциплину и выполни просьбу матери.

Харуто недовольно вздохнул, но взял корзину.

По дороге он встретил нескольких мальчишек, которые играли возле ручья. Они позвали его к себе.

— Харуто! Идём ловить рыбу!

— Не могу. У меня важное поручение.

— Какое?

— Я несу рис госпоже Нао.

Мальчишки рассмеялись.

— Вот так самурай! Носит корзины!

Харуто хотел ответить что-нибудь обидное, но вспомнил слова отца о самообладании и продолжил путь.

Когда он вернулся домой, Аки встретила его на крыльце.

— Ты сделал, что я просила?

— Да.

— И как себя вёл?

— Хорошо.

Она ласково погладила его по голове.

— Тогда сегодня ты заслужил сладкий рисовый пирог.

Харуто сразу забыл о своей обиде на мальчишек.

Вечером вся семья собралась за ужином.

За бумажными перегородками медленно сгущались сумерки. В небольшом очаге потрескивали дрова, наполняя комнату теплом. Аки разложила по чашам рис, овощи и кусочки запечённой рыбы.

Масанори ел молча, иногда поглядывая на сына.

Харуто был необычно задумчив.

— Что случилось? — спросил отец.

— Сегодня у храма я встретил старого монаха. Он рассказывал о бусидо.

— И что же он сказал?

— Что самурай должен быть готов умереть за своего господина.

Масанори отложил палочки.

— А ты согласен с ним?

Харуто задумался.

— Наверное. Ведь самурай должен быть верен своему господину.

— Верность важна. Но скажи мне, что ещё должен самурай?

— Быть храбрым?

— Да.

— Быть сильным?

— Не всегда.

— Уметь владеть мечом?

Масанори улыбнулся.

— Ты снова думаешь только об оружии.

Харуто опустил голову.

Отец некоторое время смотрел на огонь, затем заговорил:

— Бусидо — это не только готовность принять смерть. Это путь чести, мужества, справедливости и верности своему слову. Но помни: человек, который умеет убивать, ещё не обязательно является воином.

— Почему?

— Потому что убийству можно научиться. А вот ответственности за чужую жизнь — гораздо сложнее.

Аки поставила чашу на стол.

— И не забывай о милосердии. Даже самый сильный человек не должен причинять боль тому, кто слабее него, только потому, что может это сделать.

Масанори посмотрел на жену и одобрительно кивнул.

— Твоя мать права.

Харуто задумался.

— А если враг не заслуживает милосердия?

— Тогда ты должен решить, что будет справедливым, — ответил отец. — Но никогда не позволяй ненависти принимать решения вместо тебя.

Мальчик запомнил эти слова, хотя тогда они казались ему слишком сложными.

После ужина Масанори позвал сына во двор.

Ночь была тихой. Над деревней сияли звёзды, а на ветвях старой сакуры покачивались последние осенние листья.

Отец принёс небольшой деревянный футляр.

— Сегодня я хочу показать тебе кое-что.

Он открыл его.

Внутри лежал небольшой металлический амулет с изображением восходящего солнца. На обратной стороне были выгравированы два иероглифа, почти стёршиеся от времени.

Харуто осторожно коснулся его пальцами.

— Что это?

— Семейная реликвия. Она принадлежала твоему деду, а до него — его отцу. Теперь я хочу, чтобы ты хранил её.

— Почему вы отдаёте её мне?

— Потому что однажды ты станешь взрослым. Тебе придётся самостоятельно принимать решения и отвечать за свои поступки.

Масанори положил амулет на ладонь сына.

— Но помни: вещь сама по себе ничего не значит. Её ценность заключается в памяти о тех, кто жил до тебя.

Харуто крепко сжал подарок.

— Я никогда его не потеряю.

Отец положил руку ему на плечо.

— Когда-нибудь ты покинешь этот дом. Увидишь другие земли, встретишь людей, которые будут добры к тебе, и тех, кто пожелает тебе зла. Возможно, ты окажешься перед выбором, от которого будет зависеть чужая жизнь.

Он сделал паузу.

— И тогда я хочу, чтобы ты вспомнил не то, как я держал меч. Вспомни то, чему я пытался тебя научить.

— Я вас не подведу, отец.

Масанори слегка улыбнулся.

В тот момент он ещё не знал, насколько страшной окажется судьба его сына.

Поздней ночью, когда дом уже погрузился в сон, Масанори сидел один.

Перед ним лежала катана.

Он медленно протирал клинок мягкой тканью, внимательно осматривая каждую его часть. Рядом находилась небольшая деревянная шкатулка, которую он редко открывал.

Внутри лежала сложенная бумага.

На ней стоял знак, который Масанори узнал бы среди тысячи других: чёрный круг, пересечённый тонкой серебряной линией.

Этот символ принадлежал тайной организации, известной под названием Курогири.

Чёрный туман.

Когда-то Масанори уже сталкивался с людьми, носившими этот знак. Их лица были скрыты, имена неизвестны, а присутствие обычно предшествовало смерти.

Несколько лет назад он участвовал в военном походе, во время которого обнаружил свидетельства тайных переговоров между представителями Курогири и одним из влиятельных военачальников. Эти сведения могли изменить расстановку сил в провинции и поставить под угрозу самого сёгуна.

Масанори отказался передавать документы незнакомцам и уничтожил часть собранных материалов.

Он надеялся, что прошлое больше никогда его не настигнет.

Но неделю назад возле дома он обнаружил серебряную нить, привязанную к ветви сакуры.

Это был знак.

Предупреждение.

Масанори сложил бумагу и положил её обратно в шкатулку.

Затем поднялся, подошёл к двери и посмотрел в сторону леса.

Вдалеке, среди деревьев, на мгновение мелькнуло что-то похожее на человеческий силуэт.

Он не двинулся с места.

Лишь положил руку на рукоять катаны.

Лес снова погрузился в неподвижность.

Масанори ещё долго стоял возле двери, прислушиваясь к ночным звукам.

В это же время далеко за пределами деревни, в старом горном поселении, несколько человек собрались в помещении, освещённом тусклыми масляными лампами.

Их лица скрывали тёмные повязки.

В центре комнаты стоял мужчина в чёрном одеянии. На его левом запястье красовался серебряный знак Курогири.

— Мы нашли его? — спросил он.

— Да. Масанори живёт в деревне Акахара. У него жена и маленький сын.

Мужчина некоторое время молчал.

— Он хранит то, что принадлежит нам.

— Прикажете забрать документы?

— Нет.

Голос прозвучал спокойно.

— На этот раз мы заберём всё.

Один из присутствующих поклонился.

— Когда начинать?

Мужчина поднял глаза.

— В ближайшее полнолуние.

Лампа тихо затрещала.

За стенами помещения усиливался ветер.

А в деревне Акахара маленький Харуто мирно спал, прижимая к груди отцовский амулет. Ему снились горы, бескрайние поля и далёкие земли, по которым он когда-нибудь отправится странствовать.

Он ещё не знал, что над его домом уже сгущалась тень.

Тень, которая однажды поглотит всё, что он любил.

Глава 2. Уроки отца

Утро в деревне Акахара начиналось с привычных звуков. Где-то кричали петухи, за деревянными стенами домов переговаривались женщины, а на рисовых полях уже работали крестьяне. Солнце медленно поднималось над горами, рассеивая ночной туман.

Харуто проснулся раньше обычного.

Он быстро умылся, надел чистое кимоно и вышел во двор. Отец уже ждал его возле тренировочной площадки. Рядом на деревянной стойке лежали два бамбуковых меча.

— Сегодня ты будешь сражаться со мной, — произнёс Масанори.

Глаза мальчика загорелись.

— Настоящий поединок?

— Настоящий настолько, насколько может быть настоящим бой с деревянными мечами.

Харуто взял оружие и занял стойку.

— Я готов!

— Не спеши объявлять о своей готовности. Сначала докажи её.

Масанори поднял меч.

Харуто сделал первый выпад. Отец легко отклонился, коснулся его плеча и отступил.

— Ты мёртв.

Мальчик удивлённо посмотрел на него.

— Но я даже не успел ударить!

— Именно. Ты думал только о том, как напасть, и совершенно забыл о собственной защите.

Они начали снова.

На этот раз Харуто старался внимательнее следить за движениями отца. Он делал осторожные шаги, пытался предугадать направление удара, но Масанори всё равно находил возможность коснуться его деревянным мечом.

Один раз он ударил сына по предплечью, другой — по бедру, а затем выбил оружие из его рук.

Харуто сердито поднял меч с земли.

— Вы слишком быстро двигаетесь!

— Твой противник не обязан двигаться медленнее, чтобы тебе было удобно.

— Но я ещё маленький!

— Твои враги не всегда будут знать, сколько тебе лет.

Мальчик сжал рукоять.

— Тогда я буду тренироваться, пока не стану быстрее вас.

Масанори посмотрел на сына и едва заметно улыбнулся.

— Хорошее желание. Только не забывай: скорость без рассудительности приводит к ошибкам.

Он вернулся в исходное положение.

— Ещё раз.

После тренировки отец отвёл Харуто к небольшому деревянному навесу за домом.

На стене висели учебный лук, несколько бамбуковых стрел и соломенные мишени.

— Сегодня мы займёмся стрельбой.

Харуто с интересом посмотрел на лук.

Ему нравилось это оружие. В отличие от меча, лук позволял поражать цель на расстоянии. Отец иногда рассказывал, что в прежние времена искусство стрельбы из лука было обязательным навыком многих самураев.

Масанори снял лук со стены.

— Возьми его.

Харуто попытался натянуть тетиву, но она почти не поддалась.

— Он слишком тугой.

— Значит, пока тебе нужен другой.

Отец достал небольшой учебный лук, приспособленный для детских рук.

— Не сила определяет меткость. Важны положение тела, дыхание и спокойствие.

Он показал, как правильно держать оружие, как расположить ноги и как направить стрелу на цель.

Харуто приготовился.

Первая стрела ушла в сторону и упала в траву.

Вторая пролетела ниже мишени.

Третья попала в деревянную стойку.

Мальчик опустил лук.

— У меня ничего не получается.

— Ты сделал три выстрела.

— И все три оказались плохими!

— Значит, у тебя есть три возможности понять, что нужно исправить.

Харуто посмотрел на мишень.

— А вы когда-нибудь промахивались?

Масанори ненадолго задумался.

— Конечно.

— Даже в настоящем сражении?

— Особенно в настоящем сражении.

Отец положил руку ему на плечо.

— Запомни, сын. Неудача не должна заставлять тебя ненавидеть себя. Она должна заставлять тебя учиться.

Харуто снова поднял лук.

На этот раз он дольше готовился, внимательно следил за положением рук и старался не торопиться.

Стрела попала в край соломенной мишени.

Мальчик радостно обернулся.

— Вы видели?!

— Видел.

— Я попал!

— Ты стал немного точнее.

Харуто рассмеялся.

Для него это была почти победа.

К полудню солнце поднялось высоко.

Масанори решил отложить оружие и продолжить урок уже в доме. На низком столике лежали кисти, чернильница и несколько листов бумаги.

Харуто удивлённо посмотрел на приготовленные принадлежности.

— Мы будем писать?

— Да.

— Но я уже умею писать!

— Тогда тебе будет несложно.

Отец сел напротив сына и развернул лист.

— Воин должен развивать не только тело. Он обязан учиться думать, читать, понимать людей и окружающий мир.

Масанори написал на бумаге один иероглиф.

#

— Это слово означает путь.

Харуто внимательно посмотрел на него.

— Дорогу?

— Не только. Путь может означать способ жизни, направление, которому человек следует, или стремление к определённому совершенству.

Затем отец написал ещё несколько знаков.

— мужество.

— справедливость.

— уважение.

— искренность.

— милосердие.

— Это качества, о которых должен помнить человек, называющий себя воином, — объяснил Масанори. — Но запомнить их гораздо легче, чем жить в соответствии с ними.

Харуто провёл пальцем по строке.

— А какое из этих качеств самое важное?

— Трудно выбрать одно. Мужество без справедливости может превратиться в жестокость. Справедливость без милосердия — в бездушие. А верность без рассудительности способна привести человека к гибели.

— Значит, нужно обладать всеми?

— Нужно хотя бы всю жизнь стремиться к этому.

Масанори передал сыну кисть.

— Теперь попробуй написать слово «путь».

Харуто обмакнул кисть в тушь и осторожно провёл линии.

Получилось неровно.

Отец не стал исправлять работу. Он лишь положил рядом собственный лист.

— Посмотри внимательно. Каждое движение кисти должно быть осознанным. Нельзя торопиться, но нельзя и бояться сделать линию.

Харуто попытался снова.

После полудня отец и сын отправились в деревню.

Масанори хотел посетить старого кузнеца, который несколько дней назад обещал починить ножны его вакидзаси. По дороге они встретили торговца, остановившегося возле небольшого моста.

Рядом с ним лежала рассыпавшаяся корзина.

Несколько деревянных предметов выпали на дорогу, а сам торговец пытался поднять тяжёлый тюк.

Харуто сразу подбежал к нему.

— Я помогу!

Он начал собирать вещи, а Масанори придержал тюк, чтобы тот не скатился в канаву.

— Спасибо вам, — произнёс торговец. — Один я бы не справился.

— Ничего страшного, — ответил мальчик.

Когда они продолжили путь, Харуто заметил, что отец смотрит на него.

— Что такое?

— Сегодня ты сделал кое-что правильно.

— Я ведь ничего особенного не сделал.

— Именно это и важно.

Масанори остановился возле моста.

— Ты не спросил, кто этот человек, сколько у него денег и может ли он когда-нибудь оказаться тебе полезен. Ты просто увидел, что ему нужна помощь.

Харуто улыбнулся.

— Но ведь так должен поступать каждый.

Отец посмотрел на него с одобрением.

— Было бы хорошо, если бы каждый так поступал.

Они пошли дальше.

В тот день Харуто впервые задумался, что воин может проявлять свою силу даже тогда, когда не держит в руках меч.

Кузнеца звали Гэндзо.

Он жил в небольшой мастерской, расположенной недалеко от деревенской площади. Внутри всегда было жарко, пахло углём и горячим металлом. На стенах висели инструменты, а возле горна лежали заготовки для сельскохозяйственных орудий.

Гэндзо был пожилым человеком с широкими ладонями и густыми седыми бровями.

— Масанори! Давно тебя не было!

— Дела не позволяют часто заходить.

— А это твой сын?

— Харуто.

Кузнец посмотрел на мальчика.

— Похож на тебя. Особенно глаза.

Харуто поклонился.

Гэндзо ответил поклоном и достал из ящика отремонтированные ножны.

Масанори осмотрел работу.

— Хорошо сделано.

— Я старался. Такие вещи нельзя делать впопыхах.

Кузнец передал ножны хозяину.

Затем его взгляд задержался на Харуто.

— Значит, растёт новый самурай?

— Пока только учится, — ответил Масанори.

— Это самое важное время. Потом человек начинает думать, что уже всё знает.

Старик рассмеялся.

Харуто тоже улыбнулся.

Перед уходом Гэндзо протянул мальчику небольшой деревянный предмет.

Это была фигурка журавля.

— Возьми. Сам вырезал.

Харуто осторожно принял подарок.

— Спасибо!

— Береги её. Журавль считается символом долгой жизни. Говорят, он способен прожить тысячу лет.

По дороге домой мальчик несколько раз доставал фигурку из кармана, рассматривая тонкие деревянные крылья.

— Отец, а журавли действительно живут тысячу лет?

— Нет. Но люди любят верить в красивые истории.

— А почему тогда их считают символом долголетия?

— Потому что иногда людям нужны символы, напоминающие им о том, чего они желают.

Харуто задумался и спрятал журавля обратно.

На следующий день Масанори решил провести с сыном особое занятие.

Они отправились к небольшой поляне на окраине леса. Там находилась старая тренировочная площадка, которую отец использовал ещё в годы своей службы.

Вокруг стояли деревянные столбы, а на земле виднелись следы прежних тренировок.

Масанори принес два деревянных меча.

— Сегодня мы поговорим о противнике.

Харуто сразу оживился.

— Я буду сражаться?

— Сначала ответь на вопрос. Как ты поступишь, если перед тобой окажется человек, который значительно сильнее тебя?

Мальчик задумался.

— Постараюсь ударить первым.

— А если он быстрее?

— Тогда буду защищаться.

— А если он вооружён настоящим мечом, а у тебя нет оружия?

Харуто замолчал.

— Не знаю.

Масанори положил деревянный меч на землю.

— Вот почему ты должен учиться не только сражаться. Воин обязан оценивать опасность и понимать, когда бой можно избежать.

— Но разве самурай может убежать от противника?

— Иногда отступить — значит сохранить жизнь тем, кого ты должен защитить.

Харуто нахмурился.

— Но это не похоже на храбрость.

— Храбрость не всегда выглядит как нападение.

Отец поднял с земли небольшую ветку и начертил на песке круг.

— Представь, что внутри этого круга находится человек, которого ты обязан защитить. Враг приближается. Что ты сделаешь?

— Встану перед ним.

— А если врагов десять?

— Буду сражаться.

— А если их будет сто?

Харуто не ответил.

Масанори посмотрел на сына.

— Ты должен понимать разницу между верностью и бессмысленной гибелью. Иногда самое мужественное решение — найти способ спасти людей, а не просто умереть перед ними.

Эти слова вызвали у мальчика недоумение.

Он привык думать, что настоящий самурай никогда не отступает.

Но отец впервые показал ему, что воинская честь может заключаться не только в готовности погибнуть, но и в способности сохранить чужую жизнь.

Занятие продолжилось.

Масанори предложил сыну небольшую игру.

Он попросил Харуто пройти через поляну, не наступая на сухие ветки. Мальчик несколько раз ошибался, шумел и задевал кусты.

Отец не торопил его.

— Почему ты так громко двигаешься?

— Я стараюсь идти быстро.

— А я просил тебя идти быстро?

— Нет.

— Тогда попробуй ещё раз.

Харуто замедлил шаг. Он начал внимательнее смотреть под ноги, замечать сухие листья, выступающие корни и небольшие камни.

Вскоре ему удалось пройти почти всю поляну бесшумно.

— Хорошо, — произнёс Масанори. — Теперь ты начинаешь замечать то, что раньше не замечал.

— Этому тоже учатся самураи?

— Любой воин, который хочет выжить.

Масанори показал сыну следы на земле. Здесь недавно прошла лисица, а чуть дальше виднелись отпечатки человеческих сандалий.

— Лес всегда рассказывает о тех, кто здесь был. Нужно только научиться читать его.

Харуто присел возле следов.

— Значит, можно узнать, куда ушёл человек?

— Иногда. А иногда можно понять, что он хочет скрыть.

Отец поднял голову и посмотрел в сторону густых деревьев.

Несколько секунд он оставался неподвижным.

Затем продолжил урок.

Вечером, когда они вернулись домой, Аки уже приготовила ужин.

Харуто был настолько уставшим, что едва успевал отвечать на вопросы матери. Он рассказывал о тренировке, о следах животных и о том, как впервые сумел пройти через поляну почти бесшумно.

Аки слушала его с улыбкой.

— Скоро ты начнёшь ходить по дому так тихо, что я буду думать, будто здесь завелось привидение.

Мальчик рассмеялся.

— Отец говорит, что я должен научиться замечать всё вокруг.

— Тогда замечай и то, что твоя мать просит тебя вымыть руки перед едой.

Харуто поспешил к воде.

Масанори наблюдал за ними и чувствовал редкое спокойствие.

Он хотел дать сыну всё, чего сам был лишён в детстве. Научить его владеть оружием, понимать людей, принимать решения и не позволять страху управлять собственной судьбой.

Но больше всего он хотел, чтобы Харуто никогда не пришлось использовать свои знания ради мести.

Масанори знал, что мир далеко не так безопасен, каким он казался мальчику.

Он знал о людях, которые за деньги готовы предать друзей. О господах, которые отправляют солдат умирать ради земель и власти. О наёмниках, для которых человеческая жизнь не стоит дороже нескольких монет.

И он знал, что где-то в тени существуют люди, которые однажды уже пытались заставить его замолчать.

Позже, когда Харуто уснул, Масанори вышел во двор.

Ночь была прохладной. Ветер слегка колыхал ветви сакуры, а лунный свет ложился на крышу дома.

Масанори подошёл к тренировочной площадке и поднял деревянный меч сына. На его поверхности уже появились небольшие царапины.

Он провёл пальцами по рукояти и на мгновение улыбнулся.

Затем его лицо снова стало серьёзным.

На земле возле забора лежала маленькая веточка сакуры, перевязанная тонкой чёрной нитью.

Масанори остановился.

Он поднял её и внимательно осмотрел.

На нитке был закреплён крошечный металлический знак.

Чёрный круг с серебряной линией.

Курогири.

Масанори сжал пальцы.

Теперь он больше не сомневался, что прошлое настигло его.

Он медленно вернулся в дом, достал из шкатулки старую бумагу и положил её рядом с оружием.

Ему предстояло принять решение.

Он мог бежать вместе с семьёй, предупредить прежнего господина или попытаться самостоятельно разобраться в происходящем.

Но одно он знал точно: если люди Курогири действительно пришли за ним, Харуто не должен оказаться между ними и отцовскими тайнами.

Масанори долго сидел в темноте.

В соседней комнате спал его сын.

Мальчик, который ещё недавно радовался попаданию стрелы в соломенную мишень.

Мальчик, который верил, что справедливость всегда побеждает зло.

Масанори посмотрел на катану.

— Прости меня, сын, — едва слышно произнёс он.

Он ещё не знал, что совсем скоро ему придётся выбирать между собственным прошлым и будущим своего ребёнка.

А над деревней Акахара уже сгущались тучи.

Курогири не забывал своих врагов. И на этот раз он собирался довести начатое до конца.

Глава 3. Путь бусидо

Осень постепенно вступала в свои права. Листья старых клёнов окрашивались в багряные и золотистые оттенки, а утренний ветер приносил с гор запах сырой земли и приближающейся зимы.

Деревня Акахара жила привычной жизнью. Крестьяне заканчивали сбор урожая, торговцы готовились к последним поездкам перед холодами, а возле небольшого храма пожилые жители собирались по вечерам, чтобы обсудить новости из соседних поселений.

Харуто исполнилось восемь лет. Он продолжал тренироваться с отцом каждое утро. Его движения становились увереннее, он уже мог правильно держать деревянный меч, сохранять равновесие и наносить несколько последовательных ударов. Правда, Масанори по-прежнему находил в его технике множество недостатков.

Но в этот день отец решил отложить оружие.

— Сегодня мы поговорим о том, что важнее меча, — произнёс он.

Харуто удивлённо посмотрел на него.

— О чём?

— О пути воина.

Масанори взял с деревянной стойки два меча, аккуратно закрепил их за поясом и направился к дому.

— Отправляйся к матери. Скажи, что мы вернёмся к вечеру.

— Мы куда-то идём?

— В храм.

Харуто поспешил за отцом.

Храм находился на небольшом возвышении за деревней. К нему вела узкая каменная лестница, по обеим сторонам которой росли старые деревья. Ветер тихо шевелил их ветви, а опавшие листья медленно кружились над ступенями.

Возле храма стоял небольшой колокол. Его звон каждое утро пробуждал жителей Акахары.

Масанори и Харуто поднялись на вершину холма и остановились перед главным зданием.

У входа сидел пожилой монах в тёмном одеянии. Его звали Дзэнсэй. Он прожил в деревне много лет и пользовался уважением местных жителей. Когда-то он путешествовал по разным провинциям, посещал монастыри и изучал древние буддийские тексты.

— Давно тебя не было, Масанори, — произнёс старик.

— Дел становилось больше.

Монах посмотрел на мальчика.

— А это, должно быть, твой сын.

— Харуто.

Мальчик поклонился.

— Рад встрече, юный воин, — ответил Дзэнсэй.

Харуто немного смутился.

— Я ещё не воин.

Старик улыбнулся.

— Хорошо. Значит, ты пока не успел решить, каким человеком хочешь стать.

Масанори слегка усмехнулся.

— Именно поэтому я и привёл его сюда.

Они прошли внутрь.

В храме было тихо. На деревянном алтаре стояли небольшие статуэтки, рядом горели ароматические палочки. Их дым медленно поднимался к потолку, наполняя помещение терпким запахом сандала.

Дзэнсэй усадил гостей возле низкого столика.

— Твой отец говорит, что ты изучаешь бусидо, — обратился он к Харуто.

— Да, господин.

— И что ты знаешь об этом пути?

Мальчик выпрямился.

— Самурай должен быть храбрым, верным своему господину, уметь владеть мечом и не отступать перед врагом.

Старик выслушал ответ и кивнул.

— Неплохое начало. Но скажи мне, что делает человека храбрым?

Харуто задумался.

— Если он не боится смерти.

— А ты когда-нибудь боялся?

— Да.

— Значит, ты не храбрый?

Мальчик растерялся.

Масанори сидел неподвижно, внимательно наблюдая за разговором.

— Я не знаю, — наконец ответил Харуто.

Дзэнсэй улыбнулся.

— Это лучше, чем притворяться, будто ты знаешь всё.

Старик поднялся, подошёл к небольшому окну и посмотрел на сад.

— Запомни, мальчик. Страх не делает человека трусом. Даже самые великие воины испытывали страх. Но один человек позволяет страху управлять собой, а другой способен идти вперёд, несмотря на него.

Он повернулся.

— Мужество заключается не в том, чтобы ничего не бояться. Оно заключается в том, чтобы не позволить страху лишить тебя способности поступать правильно.

Харуто задумчиво опустил глаза.

— Значит, если мне будет страшно во время сражения, я всё равно могу быть храбрым?

— Конечно. Главное — понимать, ради чего ты вступаешь в бой.

После разговора с монахом Масанори повёл сына в сад.

В центре сада находился небольшой каменный фонарь. Вокруг него росли мхи, а между камнями пробивалась тонкая трава.

Отец присел возле сына.

— Ты уже слышал о семи добродетелях воина?

— О семи?

— Мужество, справедливость, уважение, искренность, милосердие, честь и верность. Многие связывают эти качества с бусидо.

Масанори поднял с земли небольшой опавший лист.

— Но я хочу, чтобы ты понял не названия этих добродетелей, а их смысл.

Он начал загибать пальцы.

— Мужество помогает тебе не отступать перед опасностью. Справедливость не позволяет использовать силу ради собственной выгоды. Уважение напоминает, что даже противник остаётся человеком. Искренность заставляет отвечать за свои слова. Милосердие помогает увидеть чужую боль. Честь определяет, каким человеком ты являешься на самом деле. А верность не позволяет предавать тех, кому ты дал обещание.

Харуто внимательно слушал.

— А если эти качества противоречат друг другу?

Масанори посмотрел на сына с удивлением.

— Приведи пример.

— Допустим, господин прикажет мне убить невиновного человека. Если я откажусь, значит, я нарушу верность своему господину. Но если соглашусь, нарушу справедливость.

Отец некоторое время молчал.

— Вот тогда и начинается настоящий путь воина.

— Что нужно сделать?

— Принять решение и быть готовым отвечать за его последствия.

— Даже если за это придётся умереть?

— Иногда цена правильного поступка действительно бывает высокой.

Харуто посмотрел на старый каменный фонарь.

— Тогда быть самураем очень трудно.

Масанори тихо рассмеялся.

— Гораздо труднее, чем ты думаешь.

Когда они покинули храм, солнце уже поднялось высоко.

Они направились обратно в деревню, но по дороге услышали громкие голоса.

Возле небольшого поля собрались несколько человек. Двое крестьян спорили из-за воды, необходимой для орошения рисовых посадок. Один из них, крепкий мужчина по имени Тадао, держал в руках серп.

Напротив него стоял пожилой сосед.

— Ты перекрыл канал! — кричал Тадао. — Из-за тебя мои поля останутся без воды!

— Я ничего не перекрывал! — отвечал старик. — Вода перестала поступать ещё вчера.

— Лжёшь!

Тадао шагнул вперёд и замахнулся серпом.

Харуто испуганно посмотрел на отца.

Масанори быстро приблизился к спорящим.

— Достаточно!

Голос самурая прозвучал настолько твёрдо, что оба крестьянина замолчали.

Тадао опустил серп.

— Масанори-доно, этот старик обманул меня!

— А ты собираешься убить его за воду?

— Он забрал то, что принадлежит мне!

— Тогда покажи, где именно он забрал твою воду.

Тадао указал на небольшой канал, проходивший вдоль поля.

Масанори осмотрел его, затем присел возле деревянной заслонки. Он обнаружил, что один из выступавших камней сместился и перекрыл часть потока.

— Вот причина, — сказал он.

Оба крестьянина посмотрели на сооружение.

— Это произошло случайно, — произнёс пожилой мужчина.

Масанори помог установить камень на место. Вода снова потекла по каналу.

Тадао опустил голову.

— Я погорячился.

Старик ничего не ответил.

— Попроси у него прощения, — произнёс Масанори.

— Простите меня.

Пожилой крестьянин кивнул.

Вскоре спор был забыт. Люди разошлись по своим делам.

Харуто смотрел на отца с неподдельным восхищением.

— Вы могли бы просто приказать ему опустить серп.

— Мог.

— Но почему не сделали этого?

Масанори продолжил идти.

— Потому что приказ не всегда устраняет причину конфликта.

— А если бы он не послушался?

— Тогда пришлось бы действовать иначе.

— Вы могли бы отобрать у него оружие.

— Мог.

— А могли бы победить его в бою!

Отец остановился.

— Харуто, ты заметил, что произошло сегодня?

— Старик получил обратно воду.

— Верно. А теперь подумай: была ли необходимость кому-нибудь проливать кровь?

Мальчик покачал головой.

— Нет.

— Тогда зачем нам было устраивать сражение?

Харуто задумался.

Масанори положил ладонь ему на плечо.

— Не ищи повод показать свою силу. Ищи способ сделать так, чтобы она не понадобилась.

Вечером Масанори и Харуто отправились к ручью за деревней.

Они сели на большой плоский камень. Вода журчала между валунами, а на противоположном берегу росли высокие сосны.

Отец некоторое время молчал.

— Харуто, я хочу рассказать тебе одну историю.

Мальчик повернулся к нему.

— Во время одного из моих походов мы столкнулись с отрядом противника. Сражение продолжалось почти весь день. Многие погибли. К вечеру на поле остались лишь раненые.

Масанори посмотрел на воду.

— Среди них был молодой воин. Он лежал возле сломанного копья и не мог подняться. Его меч находился далеко. Когда я приблизился, он попытался достать спрятанный кинжал, но у него не хватило сил.

— И что вы сделали?

— Я мог убить его.

— Но вы не убили?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он уже не представлял опасности. Я приказал перевязать его раны и передать пленным.

Харуто задумался.

— А ваш господин не рассердился?

— Рассерженных людей среди командиров было достаточно. Некоторые считали, что я проявил слабость.

— Но ведь вы поступили правильно!

Масанори посмотрел на сына.

— Я поступил так, как считал правильным. Не всегда окружающие будут согласны с тобой.

— А тот воин выжил?

— Да.

— Вы знаете, что с ним стало?

— Нет. После войны наши дороги разошлись.

Харуто опустил взгляд на воду.

— Значит, вы спасли человека, который мог бы снова стать вашим врагом?

Масанори не сразу ответил.

— Возможно.

— И вы не пожалели?

Отец покачал головой.

— Я пожалел бы о другом. Если бы позволил ненависти решить за меня, я мог бы потерять нечто гораздо более важное, чем победу.

Харуто долго молчал.

Он представлял поле боя, раненых людей и отца, стоящего над поверженным противником.

В его воображении самураи всегда были непобедимыми воинами. Теперь он впервые понял, что настоящий выбор иногда происходит не во время сражения, а после него.

Когда они возвращались домой, уже начинало темнеть.

У самого входа в деревню Харуто заметил небольшую группу детей. Они окружили мальчика помладше и отбирали у него деревянную игрушку.

— Отдай! — требовал один из них.

— Она моя!

— Ты слишком маленький, чтобы иметь такую вещь!

Харуто остановился.

Он узнал мальчика. Это был сын бедного рыбака, которого звали Кэн.

Харуто подошёл к детям.

— Верните игрушку.

Старший мальчик повернулся к нему.

— А ты ещё кто такой?

— Я сказал, верните.

— Иначе что?

Харуто почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Он вспомнил тренировки с отцом и приготовился защищаться.

Но прежде чем он успел сделать шаг, Масанори негромко произнёс:

— Харуто.

Мальчик остановился.

Отец не вмешивался, но смотрел на сына.

Харуто снова повернулся к обидчикам.

— Вас трое, а он один. Разве это справедливо?

— Мы просто играем.

— Тогда играйте с кем-нибудь своего возраста.

Старший мальчик нахмурился, но вскоре бросил игрушку на землю.

— Забирай!

Дети разошлись.

Кэн поднял деревянную фигурку и посмотрел на Харуто.

— Спасибо.

— Не за что.

Они пошли дальше.

Масанори некоторое время молчал, затем произнёс:

— Сегодня ты проявил справедливость.

Харуто улыбнулся.

— Я ведь не дрался.

— Именно.

— Но я всё равно защитил его?

— Да.

Мальчик посмотрел на отца.

— Значит, самурай может быть воином, даже если не использует меч?

Масанори ответил не сразу.

— Харуто, запомни одну вещь. Тебя будут оценивать не по тому, сколько противников ты победил. Люди будут помнить, что ты сделал, когда кто-то нуждался в помощи.

В ту ночь Харуто долго не мог уснуть.

Он лежал на футоне и смотрел на деревянные балки потолка.

Вспоминал разговор с монахом, слова отца, спор крестьян и историю о раненом воине.

Постепенно перед его глазами складывалась новая картина мира.

Он всё ещё хотел стать сильным самураем. Хотел научиться владеть мечом так же искусно, как отец. Хотел однажды отправиться в далёкие земли и увидеть великие города, о которых рассказывали торговцы.

Но теперь он понимал, что одного мастерства недостаточно.

Воин должен знать, ради чего живёт.

Он повернулся на бок и достал из-под одежды маленький амулет, подаренный отцом. Металлическая поверхность слегка блеснула в лунном свете.

Харуто положил его рядом с собой.

— Я стану достойным самураем, — прошептал он.

За бумажной перегородкой послышались тихие шаги.

Отец остановился возле комнаты сына. Он услышал последние слова, но не стал входить.

Масанори постоял несколько мгновений и направился к выходу.

В ту же ночь на противоположной стороне деревни происходило нечто иное.

Незнакомец в тёмном плаще остановился возле старой дороги, ведущей к лесу. На его запястье виднелся знакомый серебряный знак.

Он наблюдал за домом Масанори уже несколько дней.

Незнакомец знал, что бывший самурай живёт с женой и маленьким сыном. Знал, когда он отправляется на тренировки, когда посещает храм и куда ходит за покупками.

Но ему было приказано не приближаться к мальчику.

Пока.

Из темноты появился второй человек.

— Есть новости?

— Масанори всё ещё хранит молчание.

— Он подозревает, что за ним наблюдают?

— Вероятно.

— Тогда времени осталось мало.

Первый незнакомец посмотрел на дом самурая.

— А ребёнок?

— Он ещё слишком мал, чтобы представлять угрозу.

— Не стоит недооценивать детей, которые растут рядом с мечом.

Мужчины ненадолго замолчали.

— Передай, что мы готовы действовать, — приказал второй.

Они скрылись среди деревьев.

В доме Масанори всё оставалось спокойно.

Аки спала рядом с мужем. Харуто видел во сне горную дорогу, бескрайние поля и сияющее солнце.

Он ещё не знал, что совсем скоро ему предстоит узнать истинную цену всем тем добродетелям, которым отец учил его с такой любовью.

И, возможно, самое трудное испытание его жизни будет заключаться не в том, чтобы сохранить верность бусидо.

А в том, чтобы не потерять самого себя, когда мир вокруг превратится в пепел.

Путь воина только начинался.

Глава 4. Последний спокойный вечер

Осень медленно уступала место зиме.

Над провинцией Синано несколько дней стояла пасмурная погода. Холодные ветры спускались с гор, срывали последние листья с деревьев и гнали по дорогам сухую траву. По утрам на крышах домов появлялся тонкий слой инея, а вода в деревянных бочках становилась настолько холодной, что к ней не хотелось прикасаться.

В деревне Акахара готовились к приближению зимы.

Крестьяне заканчивали последние работы на полях, убирали инструменты в сараи и проверяли запасы риса. Женщины сушили овощи, заготавливали дрова и перебирали ткани. Старики чаще сидели в домах возле очагов, рассказывая детям истории о прежних временах.

Жизнь продолжалась.

И никто из жителей не подозревал, что спокойствие их маленькой деревни уже было обречено.

Масанори проснулся задолго до рассвета.

Он лежал неподвижно, прислушиваясь к звукам дома. Рядом спала Аки. За бумажной перегородкой находилась комната сына.

Мужчина осторожно поднялся, чтобы не разбудить жену, и вышел во двор.

Холодный воздух коснулся его лица.

Он посмотрел на старую сакуру. Большинство листьев уже опало, и её тёмные ветви казались неподвижными на фоне серого неба.

Масанори подошёл к тренировочной площадке.

Деревянный меч Харуто лежал на стойке.

Он взял его и несколько мгновений рассматривал. На рукояти появились потёртости, а на поверхности клинка — следы многочисленных тренировок.

Мальчик действительно старался.

Масанори вспомнил, как несколько месяцев назад сын едва мог удерживать оружие, а теперь уже уверенно выполнял простейшие упражнения.

Возможно, Харуто однажды станет хорошим воином.

Но Масанори не хотел, чтобы это произошло слишком рано.

Он хотел, чтобы сын успел побыть ребёнком.

Чтобы научился любить, смеяться, дружить и радоваться простым вещам. Чтобы однажды встретил женщину, построил собственный дом и никогда не узнал того одиночества, которое сопровождало Масанори после военных походов.

Он положил деревянный меч на место.

Затем вернулся в дом.

Когда Харуто проснулся, мать уже готовила завтрак.

— Доброе утро, — произнёс мальчик, садясь возле очага.

— Ты сегодня рано поднялся.

— Отец уже тренировался?

— Думаю, да. Он давно вышел.

Харуто потянулся за чашкой чая.

— Сегодня он обещал показать мне новый приём.

Аки улыбнулась.

— Тогда постарайся не расстраивать его.

— Я никогда его не расстраиваю!

Мать рассмеялась.

— Конечно. Особенно когда бросаешь деревянный меч на землю после каждого поражения.

— Это было только один раз!

— Значит, тебе стоит постараться, чтобы не повторять этого дважды.

В этот момент в комнату вошёл Масанори.

— О чём вы разговариваете?

— О том, какой у нас послушный сын, — ответила Аки.

Масанори посмотрел на Харуто.

— Надеюсь, сегодня он докажет это на тренировке.

Мальчик поспешно допил чай и поднялся.

— Я уже готов!

Отец посмотрел на жену.

— Вот видишь. Иногда достаточно нескольких слов, чтобы заставить его двигаться быстрее.

Аки покачала головой.

Она улыбалась, но её взгляд на мгновение задержался на муже.

За последние дни Масанори стал другим. Он чаще проверял двери, дольше задерживался возле окон и почти не оставлял катану без присмотра.

Она заметила это, но пока не решалась задавать вопросы при сыне.

После завтрака отец и сын отправились на тренировочную площадку.

Вместо деревянных мечей Масанори принёс две небольшие деревянные палки.

— Сегодня мы будем учиться защите, — объявил он.

Харуто занял позицию.

— Я готов.

Масанори поднял оружие и медленно двинулся навстречу сыну.

Мальчик приготовился отразить удар, но отец неожиданно изменил направление движения и коснулся его плеча.

— Ты снова следишь только за руками.

— А за чем ещё нужно следить?

— За всем противником. За его положением, движением ног, расстоянием между вами. Даже дыхание иногда может рассказать больше, чем оружие.

Они начали снова.

На этот раз Харуто старался смотреть не на палку, а на всё тело отца. Он заметил, как Масанори слегка переносит вес перед выпадом, и успел отступить.

Деревянные палки столкнулись.

Раздался сухой стук.

Харуто удержал позицию.

— Получилось! — радостно произнёс он.

Масанори опустил оружие.

— Неплохо.

— Я угадал ваше движение!

— Нет. Ты заметил его.

— А разве это не одно и то же?

— Угадывать — значит надеяться на случайность. Замечать — значит учиться понимать происходящее.

Отец потрепал сына по волосам.

— Ты становишься внимательнее.

Для Харуто эта похвала значила больше, чем он мог показать.

Он улыбнулся и снова поднял деревянную палку.

— Ещё раз!

Они продолжали тренировку, пока солнце не поднялось над крышами.

Ближе к полудню к дому пришёл Гэндзо, деревенский кузнец.

В руках он держал небольшой свёрток.

— Масанори, я закончил работу над твоими ножнами, — произнёс он, переступая порог.

— Проходи.

Гэндзо положил свёрток на стол.

Масанори развернул ткань. Внутри находились ножны его вакидзаси, которые кузнец дополнительно укрепил металлическими элементами.

— Хорошая работа.

— Я заметил, что старое крепление начало ослабевать. Теперь меч будет сидеть надёжнее.

Гэндзо посмотрел на оружие.

— Ты снова собираешься куда-то отправиться?

Масанори поднял глаза.

— Почему ты спрашиваешь?

— В последние дни ты слишком часто проверяешь снаряжение.

Между мужчинами на мгновение повисла тишина.

Гэндзо был одним из немногих жителей деревни, кто знал, что Масанори когда-то служил военачальнику и участвовал в делах, о которых предпочитал не вспоминать.

— Старые привычки, — ответил самурай.

Кузнец не стал продолжать разговор.

— Что ж, надеюсь, эта работа тебе больше не понадобится.

Он попрощался и вышел.

Масанори проводил его взглядом.

Затем аккуратно положил вакидзаси рядом с катаной.

После полудня Аки попросила Харуто сходить к соседям и принести немного сушёных грибов, которые обещала передать старушка Нао.

Мальчик захватил небольшую корзину и отправился по знакомой дороге.

По пути он услышал детский смех.

Возле ручья играли несколько его ровесников. Среди них был Кэн, сын рыбака, и две девочки из соседнего дома.

— Харуто! Иди к нам! — крикнул Кэн.

— Мне нужно выполнить поручение!

— Потом выполнишь!

Харуто остановился.

Он вспомнил, что последние несколько дней почти не играл с друзьями. Всё время занимали тренировки, уроки и домашние обязанности.

До зимы оставалось ещё несколько недель.

Он решил, что сегодня может позволить себе немного отдохнуть.

— Только ненадолго!

Дети бросились к воде.

Они ловили маленьких рыбок, бросали в ручей камешки и соревновались, чей камень пролетит дальше по поверхности.

Харуто быстро забыл о времени.

Он смеялся вместе с остальными, промочил рукава и несколько раз поскользнулся на влажных камнях.

Когда солнце начало склоняться к горизонту, он наконец вспомнил о поручении.

— Мне пора!

— Уже уходишь? — спросил Кэн.

— Да. Мать ждёт.

Мальчик помахал друзьям рукой и поспешил к дому госпожи Нао.

Это был один из последних дней его беззаботного детства.

Вечером жители Акахары собрались возле небольшой площади.

В тот день несколько семей отмечали окончание сбора урожая. На деревянных столах стояли чаши с рисом, овощами и рыбой. Кто-то принёс самодельные сладости, другие приготовили горячий суп.

В центре площади зажгли несколько бумажных фонарей.

Дети бегали между взрослыми, старики беседовали возле домов, а молодые мужчины негромко играли на традиционных инструментах.

Масанори и Аки тоже пришли на праздник вместе с Харуто.

Для мальчика это был настоящий подарок.

Отец позволил ему играть с другими детьми, а мать несколько раз угощала сладостями.

— Ты сегодня слишком много ешь, — заметил Масанори.

— Потому что всё очень вкусное.

— Значит, завтра придётся тренироваться вдвое усерднее.

Харуто засмеялся.

— Тогда я лучше съем ещё одну лепёшку сегодня.

Аки улыбнулась и положила ему на тарелку ещё немного еды.

Масанори посмотрел на жену.

— Ты его избалуешь.

— Пусть хотя бы сегодня не думает о тренировках.

Отец ничего не ответил.

Он смотрел на сына, который смеялся вместе с другими детьми.

Впервые за долгое время Масанори позволил себе забыть о тревоге.

На несколько коротких мгновений ему показалось, что всё может закончиться благополучно.

Что угроза минует деревню.

Что люди Курогири так и не найдут то, что ищут.

Что Харуто вырастет среди этих людей, познает мир и однажды станет человеком, которым отец сможет гордиться.

Но прошлое редко отпускает тех, кто однажды оказался слишком близко к его тайнам.

Когда праздник закончился, семья вернулась домой.

Небо уже потемнело. На дороге возле храмового холма горели последние фонари.

Харуто шёл между родителями, держа мать за руку.

— Отец, — произнёс он.

— Что?

— А когда я вырасту, мы отправимся путешествовать?

Масанори посмотрел на сына.

— Куда именно?

— В Киото. Я хочу увидеть великие храмы, дворцы и настоящих самураев.

— Самураи живут не только в дворцах.

— Но там их больше!

Отец улыбнулся.

— Возможно, когда-нибудь мы отправимся туда.

— Обещаете?

Масанори немного помолчал.

— Обещаю, что сделаю всё возможное.

Харуто удовлетворённо кивнул.

Они продолжили путь.

Аки смотрела на мужа и чувствовала, что в его голосе было что-то необычное. Он словно хотел запомнить каждую минуту этого вечера.

Когда они приблизились к дому, Масанори задержался возле сакуры.

Несколько ветвей тихо покачивались на ветру.

— Что случилось? — спросила Аки.

— Ничего.

Он посмотрел на жену.

— Просто красивая ночь.

Позднее, когда Харуто уже собирался ложиться спать, отец позвал его в свою комнату.

На полу лежали два меча. Рядом находился небольшой футляр с семейным амулетом, который Масанори когда-то передал сыну.

— Садись, — произнёс он.

Харуто устроился напротив.

Отец некоторое время смотрел на него, будто пытался что-то решить.

— Скажи мне, Харуто, кем ты хочешь стать?

Мальчик не задумывался ни секунды.

— Самураем. Таким же, как вы.

— Почему?

— Потому что вы сильный. Вы защищаете людей. Никто в деревне не может сравниться с вами.

Масанори слегка улыбнулся.

— Ты ещё многого обо мне не знаешь.

— Тогда расскажите.

Отец посмотрел на катану.

— Когда-нибудь расскажу.

Он снял со стены небольшой деревянный футляр и открыл его. Внутри лежал короткий нож с простой рукоятью.

— Это танто. Небольшой клинок. Он принадлежал мне ещё во времена службы.

Харуто внимательно посмотрел на оружие.

— Вы подарите его мне?

— Нет. Пока ты слишком мал для настоящего оружия.

Мальчик разочарованно опустил голову.

Масанори закрыл футляр.

— Но я хочу, чтобы ты запомнил одну вещь. Если однажды тебе придётся защищать кого-то, не позволяй гневу ослепить тебя. Человек, который действует только из ненависти, перестаёт видеть разницу между врагом и невиновным.

— Я никогда не стану таким.

Отец посмотрел на него.

— Я надеюсь.

Затем Масанори достал небольшую деревянную фигурку журавля, которую Харуто получил от кузнеца.

— Ты бережёшь её?

— Конечно!

— Почему?

Харуто удивился вопросу.

— Потому что мне её подарили.

— Значит, ты понимаешь, что ценность вещи иногда заключается не в ней самой, а в том, кто её подарил.

Мальчик кивнул.

— Теперь иди спать.

Харуто поднялся, поклонился отцу и уже направился к двери, когда услышал:

— Харуто.

Он обернулся.

Масанори смотрел на него с непривычной серьёзностью.

— Я горжусь тобой.

Мальчик улыбнулся.

— Спасибо, отец.

Он вышел из комнаты.

Масанори остался сидеть возле оружия.

Он не знал, почему именно сегодня ему захотелось произнести эти слова. Возможно, потому что в последние дни он всё чаще думал о том, что не всегда сможет находиться рядом с сыном.

Когда в доме наступила тишина, Аки подошла к мужу.

Она села рядом и некоторое время молчала.

— Масанори.

— Да?

— Ты должен мне кое-что объяснить.

Мужчина повернулся к ней.

— Что именно?

— Ты уже несколько дней ведёшь себя так, словно ожидаешь нападения.

Масанори опустил взгляд.

— Аки…

— Я вижу, как ты проверяешь ворота. Вижу, что мечи всегда находятся рядом. Сегодня ты даже не позволил Харуто отходить далеко от нас.

Женщина взяла его за руку.

— Что происходит?

Масанори долго не отвечал.

Затем поднялся, подошёл к двери и убедился, что она закрыта.

— Несколько лет назад я узнал о людях, которые готовят заговор против сёгуна.

Аки насторожилась.

— Каких людях?

— Их называют Курогири. Чёрный туман.

Женщина побледнела.

— Ты говорил, что давно оставил прошлое.

— Я пытался.

Масанори вернулся к столу.

— Когда-то я отказался передать им сведения, которые могли помочь в покушении на правителя. После этого мне пришлось скрываться. Я думал, что уничтожил все следы.

— Но они нашли тебя?

Он медленно кивнул.

— На прошлой неделе я обнаружил знак возле дома. Потом ещё один. Теперь я уверен, что за нами наблюдают.

Аки крепче сжала его руку.

— Что нам делать?

— Завтра на рассвете мы должны покинуть деревню.

— А куда?

— У меня остались знакомые в соседней провинции. Возможно, они смогут помочь.

— Почему ты не сказал раньше?

Масанори посмотрел на жену.

— Я хотел убедиться, что опасность действительно существует.

Аки опустила голову.

— А Харуто?

— Он пойдёт с нами.

Она на мгновение закрыла глаза.

— Он ещё совсем ребёнок.

— Именно поэтому мы должны защитить его.

В глубине ночи Масанори собрал необходимые вещи.

Он взял немного риса, деньги, несколько комплектов одежды, семейные документы и оружие.

Катану он закрепил за поясом. Вакидзаси положил рядом с вещами.

Затем проверил ворота.

Всё казалось спокойным.

Только ветер усилился, раскачивая ветви сакуры.

Масанори вышел на дорогу и посмотрел в сторону леса.

Ему показалось, что среди деревьев кто-то стоял.

Он шагнул вперёд.

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

Мужчина медленно положил руку на рукоять меча.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем из темноты донёсся короткий хруст ветки.

Масанори резко повернулся.

Но там уже никого не было.

Он вернулся в дом.

Аки сидела возле сына и гладила его по волосам. Харуто спал, прижимая к груди деревянного журавля.

Масанори остановился возле них.

— Завтра мы уйдём, — негромко произнёс он.

Аки подняла голову.

— Уйдём.

Он накрыл сына одеялом.

Харуто что-то пробормотал во сне и улыбнулся.

Масанори присел рядом.

— Спи, мой мальчик.

Он осторожно коснулся его лба.

— Пусть эта ночь останется для тебя спокойной.

За окнами продолжал шуметь ветер.

Вдалеке, среди тёмных деревьев, двигались человеческие силуэты.

Их было больше десяти.

Они несли с собой оружие, верёвки и небольшие сосуды с горючей смесью.

На чёрных повязках каждого из них поблёскивал серебряный знак.

Курогири прибыл в Акахару.

Впереди оставалось несколько часов до рассвета.

И никто в деревне ещё не знал, что для многих жителей он никогда не наступит.

Последний спокойный вечер закончился.

Глава 5. Чёрные тени

Ночь опустилась на Акахару.

Луна скрылась за тяжёлыми облаками, и деревня погрузилась во мрак. Ветер усилился, заставляя скрипеть деревянные стены домов и раскачивать ветви старой сакуры. Изредка где-то лаяли собаки, но вскоре и они затихли.

Большинство жителей уже спали.

В доме Масанори не горел свет. Аки лежала рядом с сыном, стараясь не шевелиться, чтобы не разбудить его. Харуто спал беспокойно, время от времени переворачиваясь с боку на бок.

Масанори не спал.

Он сидел у входа, прислушиваясь к каждому звуку. Рядом находилась катана, а за поясом был закреплён вакидзаси. На столе лежала небольшая дорожная сумка, приготовленная для утреннего отъезда.

Всё было готово.

С первыми лучами солнца они должны были покинуть Акахару.

Но Масанори не знал, что враг уже находился совсем близко.

На северной окраине деревни, среди густых деревьев, появились первые силуэты.

Их движения были почти бесшумными. Тёмные одежды сливались с ночным лесом, лица скрывали повязки. За спинами некоторых виднелись короткие мечи, у других — луки и небольшие мешочки с оружием.

Это были воины Курогири.

Их возглавлял человек по имени Кадзэма. Он считался одним из старших наставников клана и участвовал во многих тайных операциях. За годы службы он научился сохранять спокойствие даже тогда, когда вокруг него умирали люди.

Кадзэма остановился возле большого кедра.

Перед ним лежала карта деревни.

— Дом Масанори находится на южной окраине, — негромко произнёс один из разведчиков. — Внутри трое человек. Самурай, его жена и мальчик.

— Остальные жители?

— Спят.

Кадзэма посмотрел на деревню.

— Никто не должен покинуть Акахару.

— А документы?

— Найти и забрать. Если Масанори откажется сотрудничать, убить его.

Разведчик немного помедлил.

— А ребёнок?

Кадзэма перевёл на него взгляд.

— Не усложняй приказ.

Он поднял руку.

Воины разошлись в разные стороны.

Через несколько мгновений лес снова стал неподвижным.

Казалось, будто никого здесь никогда не было.

Первым тревожным знаком стал звук разбитой глиняной чаши.

Масанори мгновенно поднял голову.

Звук донёсся со стороны соседнего дома.

Затем послышался короткий крик, оборвавшийся так же внезапно, как начался.

Мужчина поднялся.

Он не стал будить Аки громким голосом. Только подошёл к ней и коснулся плеча.

— Просыпайся.

Женщина открыла глаза.

— Что случилось?

— Они здесь.

Аки мгновенно поняла, о ком идёт речь.

— Курогири?

Масанори кивнул.

Он подошёл к комнате сына и раздвинул перегородку.

— Харуто. Просыпайся.

Мальчик сонно поднял голову.

— Отец?..

— Быстро оденься. И не шуми.

Харуто посмотрел на лицо отца и сразу понял, что произошло нечто серьёзное.

Он поднялся, схватил одежду и начал торопливо одеваться.

В этот момент снаружи раздался громкий удар.

Входная дверь распахнулась.

Первый ниндзя появился на пороге почти бесшумно.

Его лицо скрывала чёрная повязка, а в руке блеснул короткий клинок.

Масанори оказался перед ним раньше, чем тот успел сделать шаг внутрь.

Катана вышла из ножен с сухим металлическим звуком.

Удар был быстрым.

Незваный гость рухнул на деревянный пол.

Следом за ним в дом ворвались ещё двое.

Масанори встретил их у самого входа. Пространство было тесным, поэтому ниндзя не могли использовать своё численное преимущество в полной мере. Самурай двигался сдержанно и точно, не позволяя противникам окружить себя.

Один из нападавших попытался зайти сбоку, но Масанори развернулся и отбросил его к стене.

Второй успел нанести удар, рассёкший рукав самурая. Масанори отступил на шаг и ответил коротким движением меча.

Аки схватила Харуто за плечи.

— Иди за мной!

— А отец?

— Он догонит нас!

Они направились к задней части дома.

Но едва Аки раздвинула перегородку, как перед ними появился ещё один человек.

Ниндзя держал в руке небольшой метательный клинок.

Аки толкнула сына за спину.

— Назад!

В следующий миг раздался звон металла.

Масанори успел перехватить руку нападавшего, прежде чем тот метнул оружие. Он ударил противника рукоятью меча и прижал его к деревянной стене.

— Бегите!

Аки схватила Харуто и потащила его в другую комнату.

За их спинами раздавались удары, крики и скрежет стали.

Мальчик впервые в жизни слышал настоящий бой.

Он был совсем не похож на тренировки во дворе.

Там удары прекращались по команде отца. Там никто не кричал от боли. Там не пахло дымом, кровью и страхом.

Здесь всё было иначе.

Здесь люди умирали.

Когда Аки и Харуто добрались до задней двери, снаружи уже слышались голоса.

В соседних домах начался пожар.

Оранжевые отблески появились на бумажных перегородках. Деревянные крыши быстро охватывало пламя.

Жители деревни просыпались в ужасе.

Кто-то выбегал на улицу с детьми на руках, другие пытались спасти имущество. По узким дорожкам метались люди, не понимающие, откуда пришла опасность.

Из темноты появлялись чёрные фигуры.

Ниндзя не вступали в долгие разговоры и не требовали имущества. Они двигались к заранее определённым домам, перекрывали выходы и не позволяли жителям организованно покинуть поселение.

Для Курогири это была не грабительская вылазка.

Это была операция по уничтожению свидетелей и поиску документов.

Аки выбежала из дома вместе с сыном.

Они направились к огороду, надеясь добраться до лесной тропы, которую Харуто хорошо знал.

Но возле соседского забора их остановили двое вооружённых людей.

Аки резко повернула в другую сторону.

— Сюда!

Они побежали вдоль стены старого сарая.

Харуто едва успевал за матерью. Его ноги скользили по влажной земле, дыхание сбивалось, а сердце колотилось так сильно, что он почти ничего не слышал.

— Мама, что происходит?!

— Не останавливайся!

— Где отец?!

— Он найдёт нас!

Они добежали до небольшого колодца.

Аки остановилась, оглянулась и увидела, что один из преследователей уже приближается.

Она толкнула сына за деревянную постройку.

— Слушай меня, Харуто.

— Мама…

— Ты должен спрятаться в старом водоотводном проходе. Помнишь его?

Мальчик кивнул. Он иногда играл возле этого места вместе с другими детьми.

— Проползи до конца. Там будет лесная тропа. Иди на север, пока не доберёшься до большого каменного ручья.

— Но я не хочу уходить без вас!

Аки присела перед ним и взяла его лицо в ладони.

— Ты должен жить.

— А отец?

— Отец найдёт тебя.

Женщина старалась говорить спокойно, но её голос дрожал.

Она сняла с шеи небольшую тканевую подвеску и вложила её в руку сына.

— Возьми.

Харуто посмотрел на неё.

— Что это?

— Просто храни.

Затем Аки крепко обняла мальчика.

— И никогда не забывай, что бы ни произошло: ты не виноват в том, что сейчас случается.

Харуто не понимал, почему мать говорит с ним так, будто прощается.

— Я хочу с вами.

— Я знаю, мой маленький.

Снаружи раздались шаги.

Аки поднялась и вытолкнула сына за постройку.

— Беги!

Харуто бросился к старому водоотводному проходу.

Он несколько раз обернулся.

Мать всё ещё стояла возле сарая.

А затем между ними возникли тёмные фигуры.

Масанори продолжал сражаться.

Ему удалось покинуть дом, но теперь он находился посреди деревенской улицы.

Вокруг бушевал пожар.

Огонь перекидывался с одной крыши на другую, искры поднимались в ночное небо, а густой дым стелился вдоль земли.

Несколько жителей пытались прорваться к южной дороге. Масанори увидел, как один из нападавших направился к ним, и бросился наперерез.

Он успел остановить его.

— Уходите! — крикнул самурай крестьянам.

Люди побежали прочь.

Масанори получил удар по плечу. Ткань кимоно быстро потемнела от крови, но он продолжал двигаться.

Вокруг него находились уже четверо противников.

Он понимал, что долго не продержится.

Но сейчас его волновало не это.

Он искал жену и сына.

— Где моя семья?! — крикнул он одному из нападавших.

Тот не ответил.

Вместо этого поднял оружие.

Масанори атаковал первым.

Через несколько мгновений улица снова погрузилась в хаос.

На площади деревни появился Кадзэма.

Он остановился возле старого колодца и посмотрел на пламя.

Ему доложили, что несколько жителей сумели скрыться, однако основные пути отхода перекрыты.

— Нашли Масанори?

— Он сражается возле южной улицы.

— Документы?

— Пока нет.

Кадзэма нахмурился.

— Тогда найдите его дом. Он не мог держать всё при себе.

Один из ниндзя поклонился и исчез в дыму.

Кадзэма посмотрел на огонь.

Он не испытывал ни радости, ни сожаления.

Для него происходящее было лишь выполнением приказа.

Он прожил достаточно долго, чтобы понять: люди редко становятся жертвами великих событий по собственной воле. Но именно простые люди чаще других платят за чужие амбиции.

Эта мысль не вызывала у него никаких чувств.

Он давно перестал задавать себе подобные вопросы.

Харуто полз по узкому каменному проходу.

Внутри было темно и сыро. Земля осыпалась под его руками, одежда цеплялась за выступы, а где-то впереди слышалось журчание воды.

Он боялся пошевелиться.

Каждый звук казался ему шагами преследователя.

Наконец проход закончился.

Мальчик выбрался наружу возле небольшого ручья, окружённого кустарником.

Отсюда была видна часть деревни.

Она горела.

Пламя поднималось над крышами, освещая небо. В воздухе летели искры, а ветер доносил крики людей.

Харуто увидел знакомые дома.

Дом старушки Нао.

Мастерскую Гэндзо.

Небольшую площадь, где несколько часов назад люди праздновали окончание сбора урожая.

Теперь всё это исчезало в огне.

Мальчик хотел вернуться.

Он сделал несколько шагов в сторону деревни, но вспомнил слова матери.

Ты должен жить.

Он сжал в руке её подвеску.

— Отец… — прошептал Харуто.

В ответ донёсся лишь треск горящих крыш.

Масанори наконец пробился к своему дому.

Входная дверь была уничтожена, а часть крыши обрушилась. Он искал Аки и Харуто, заглядывал за постройки, звал их по именам.

— Аки!

Никто не отвечал.

Он заметил небольшую деревянную фигурку журавля, лежавшую возле колодца. Ветер перевернул её и остановил возле его ноги.

Масанори поднял игрушку.

На ней остались следы грязи.

Он крепко сжал её в ладони.

В этот момент за спиной раздался голос:

— Масанори.

Самурай медленно обернулся.

Перед ним стоял Кадзэма.

Они впервые увидели друг друга при свете пламени.

Масанори узнал символ на его рукаве.

— Значит, это ты.

— Давно не виделись.

— Ты пришёл за документами?

Кадзэма слегка наклонил голову.

— Я пришёл закончить то, что ты когда-то начал.

Масанори обнажил катану.

— Тогда тебе придётся пройти через меня.

— Ты уже проиграл, Масанори.

Самурай оглянулся на горящие дома.

— Нет. Это ты проиграл, если думаешь, что можешь отнять у людей всё и остаться победителем.

Кадзэма вынул короткий меч.

— Ты всегда был слишком склонен к красивым словам.

— А ты всегда прятался за чужими приказами.

Кадзэма бросился вперёд.

Масанори встретил его ударом.

Сталь столкнулась со сталью.

Бой был коротким, но ожесточённым.

Кадзэма оказался сильнее, чем Масанори ожидал. Он двигался быстро, менял дистанцию и почти не оставлял противнику возможности для ответного удара.

Масанори несколько раз сумел перехватить инициативу, однако рана на плече мешала ему полноценно использовать левую руку.

Он понимал, что противник постепенно загоняет его в угол.

— Где мальчик? — спросил Кадзэма, отступив на шаг.

Масанори замер.

— Не твоё дело.

— Значит, он жив.

Самурай снова поднял меч.

— Ты не найдёшь его.

Кадзэма посмотрел на него с холодным выражением.

— Я не собираюсь тратить на него время. Пока.

Эти слова оказались страшнее любой угрозы.

Масанори атаковал.

На несколько мгновений ему удалось оттеснить противника, но другой ниндзя появился сбоку. Удар пришёлся по спине.

Самурай пошатнулся, однако не упал.

Он развернулся и заставил нападавшего отступить.

Кадзэма воспользовался моментом.

Его клинок рассёк рукав Масанори и оставил глубокую рану на руке.

Катана едва не выскользнула из пальцев.

Но самурай удержал оружие.

Он продолжал сражаться, думая лишь об одном: Харуто должен остаться жив.

За пределами деревни мальчик всё ещё наблюдал за пожаром.

Он не знал, куда идти дальше.

Не знал, что случилось с матерью.

Не знал, жив ли отец.

Впервые в жизни ему пришлось принять решение самостоятельно.

Харуто вспомнил один из уроков Масанори.

Иногда отступить — значит сохранить жизнь тем, кого ты должен защитить.

Он посмотрел на свои руки.

Они дрожали.

На ладони лежала маленькая подвеска, которую дала мать. Рядом в кармане находился семейный амулет.

Мальчик крепко прижал их к груди.

Затем повернулся к лесу и сделал первый шаг.

Он шёл медленно, часто оглядываясь.

Каждый раз ему казалось, что за спиной слышится голос отца.

Но это был только ветер.

К утру большая часть деревни Акахара превратилась в пепелище.

Курогири покинул поселение, оставив после себя разрушенные дома, обугленные постройки и тела погибших.

Кадзэма остановился на дороге, ведущей в горы.

Один из его людей приблизился.

— Масанори мёртв.

— Документы?

— Не найдены.

Кадзэма нахмурился.

— Значит, он успел их спрятать.

— А мальчик?

— Не найден.

Некоторое время они стояли молча.

Наконец Кадзэма произнёс:

— Продолжайте поиски. Но не поднимайте лишнего шума. Нам нельзя привлекать внимание властей.

Ниндзя поклонился.

Кадзэма ещё раз посмотрел в сторону деревни.

На горизонте начинало светлеть.

Пепел поднимался над разрушенными домами и медленно растворялся в холодном утреннем воздухе.

Там, где ещё вчера звучал детский смех, теперь царила тишина.

В нескольких километрах от Акахары Харуто остановился возле старого дерева.

Он был измучен, голоден и почти не чувствовал ног.

Мальчик опустился на землю, прислонился спиной к стволу и достал деревянного журавля.

Одна его часть треснула, но фигурка всё ещё сохраняла прежнюю форму.

Харуто долго смотрел на неё.

Затем заплакал.

Он плакал так, как не плакал никогда прежде. Без стеснения, без попыток сдержать себя. Он звал мать, отца, вспоминал знакомые голоса и не мог понять, почему всё исчезло за одну ночь.

Когда силы окончательно покинули его, он прижал журавля к груди и закрыл глаза.

Впереди простирался лес.

Где-то далеко начинались горы.

А позади оставалась деревня, в которой он родился.

Маленький сын самурая ещё не знал, что ему предстоит пройти долгий путь через голод, страх и одиночество. Не знал, что однажды он снова возьмёт в руки меч и будет искать людей, уничтоживших его дом.

Пока он был лишь ребёнком, потерявшим всё.

И впервые в своей жизни он оказался совершенно один.

Над Акахарой взошло солнце. Но для Харуто этот рассвет уже никогда не станет началом нового дня.

Глава 6. Пепел родного дома

Харуто проснулся от холода.

Ночь прошла, но лес ещё оставался погружённым в сумрак. Между деревьями медленно поднимался утренний туман, покрывая землю влажной пеленой. Где-то высоко в ветвях перекликались птицы, а неподалёку журчал ручей.

Мальчик лежал под большим кедром, свернувшись калачиком. Его одежда промокла от росы, волосы спутались, а ладони были покрыты царапинами. Рядом валялась деревянная фигурка журавля, которую он всю ночь сжимал во сне.

Несколько мгновений Харуто не мог вспомнить, где находится.

Затем память вернулась.

Огонь.

Крики.

Чёрные фигуры среди горящих домов.

Лицо матери, исчезающее в темноте.

Отец с обнажённым мечом.

Мальчик резко сел и посмотрел в сторону деревни.

Над лесом больше не поднимался дым. Пожар, должно быть, закончился. Но это ещё не означало, что опасность миновала.

Харуто достал из кармана материнскую подвеску и крепко сжал её.

Он вспомнил последние слова Аки.

«Ты должен жить».

Но как можно продолжать жить, если ты не знаешь, что стало с самыми близкими людьми?

Мальчик поднялся.

Ему хотелось есть, пить и спать. Ноги болели, живот сводило от голода, но он заставил себя сделать несколько шагов.

Он должен был вернуться.

Он должен был найти отца и мать.

Дорога до Акахары показалась бесконечной.

Харуто шёл по узкой лесной тропе, иногда останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Несколько раз он слышал подозрительные звуки и прятался за деревьями. Но всякий раз вокруг оказывались лишь птицы или мелкие животные.

По мере приближения к деревне воздух становился тяжелее.

Запах сырой земли постепенно сменился запахом пепла и обгоревшего дерева.

Мальчик увидел первый дом ещё издалека.

От крыши почти ничего не осталось. Почерневшие балки торчали из земли, а возле входа валялись разбитые глиняные сосуды. Рядом лежала перевёрнутая телега, на которой ещё вчера торговец привозил овощи.

Харуто замедлил шаг.

Он узнал это место.

Здесь жила семья, которая часто угощала его сушёными фруктами.

Теперь от их дома остались только обгоревшие стены.

Мальчик пошёл дальше.

Чем ближе он подходил к центру Акахары, тем страшнее становилась картина. Некоторые жилища полностью сгорели, другие сохранили стены, но лишились крыш. На дороге лежали обломки мебели, разбитые корзины и детские игрушки.

Харуто увидел знакомую деревянную лошадку.

Он остановился и поднял её.

Это была игрушка Кэна.

У одного из деревянных колёс не хватало крепления.

Мальчик вспомнил, как они вместе играли возле ручья, спорили, кто быстрее добежит до старой сосны, и смеялись над неуклюжими попытками Харуто поймать рыбу.

Он посмотрел по сторонам.

— Кэн?..

Ответа не последовало.

— Эй! Кто-нибудь!

Ему ответил только ветер.

Харуто положил игрушку на относительно целый камень возле дороги и продолжил путь.

Возле кузницы послышался слабый стон.

Мальчик остановился.

Он осторожно приблизился к полуразрушенной постройке и заглянул внутрь.

Под обгоревшей деревянной балкой лежал человек.

Это был Гэндзо.

Старый кузнец, который подарил Харуто деревянного журавля.

Его одежда была порвана, лицо покрывала сажа, а одна рука находилась под тяжёлой балкой. Он почти не двигался.

— Господин Гэндзо!

Мальчик бросился к нему.

Кузнец с трудом открыл глаза.

— Харуто?..

— Я сейчас помогу!

Мальчик попытался приподнять балку, но она оказалась слишком тяжёлой.

Он упёрся в неё обеими руками, навалился всем телом, однако дерево даже не шелохнулось.

— Я позову отца! — воскликнул он.

Гэндзо слабо покачал головой.

— Не надо, мальчик.

— Вам нужно помочь!

— Послушай меня.

Кузнец попытался приподнять голову.

— Ты должен уйти отсюда.

Харуто замер.

— Почему?

— Они могут вернуться.

— Кто?

Гэндзо посмотрел на него.

— Люди в чёрных одеждах.

Мальчик почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Где мой отец? Вы его видели?

Кузнец закрыл глаза.

— Масанори сражался за деревню.

— Где он сейчас?

— Он не позволил им пройти к домам. До последнего держал дорогу возле площади.

Харуто схватил старика за руку.

— Он жив?

Гэндзо не ответил сразу.

— Я видел, как он сражался. Против него было слишком много людей.

— Где он?!

— Возле старой сакуры... Последний раз я видел его там.

Мальчик отступил.

— А мама?

Кузнец медленно отвернул лицо.

— Я не знаю, Харуто.

В его голосе было столько печали, что мальчик понял: ответа не будет.

— Вы должны выбраться отсюда, — прошептал Гэндзо. — Найди убежище. Не возвращайся к этим людям.

— Я не могу оставить вас!

— Ты ещё слишком мал, чтобы спасать всех.

Харуто опустил голову.

Он хотел возразить, но не смог.

Кузнец посмотрел на мальчика ещё раз.

— Помни одну вещь. Твой отец был хорошим человеком. Не позволяй никому убедить тебя в обратном.

После этих слов старик закрыл глаза.

Харуто некоторое время сидел рядом, надеясь, что тот снова заговорит.

Но Гэндзо больше не произнёс ни слова.

Мальчик поднялся и осторожно положил возле него деревянного журавля, который всё это время держал в руке.

Затем вышел из кузницы.

Дорога к дому казалась ему знакомой, но теперь каждый шаг приносил новую боль.

Вот место, где он играл с соседскими детьми.

Вот небольшой мост, возле которого отец однажды помогал крестьянам ремонтировать деревянную конструкцию.

Вот дерево, под которым Аки часто отдыхала после работы в огороде.

Всё ещё существовало.

Но всё было мёртвым.

Харуто дошёл до небольшой площади.

Там, где несколько часов назад проходил праздник урожая, теперь осталась обугленная площадка. Деревянные столы сгорели, фонари превратились в чёрные металлические каркасы.

На земле лежали несколько тел.

Мальчик не стал приближаться.

Он узнал одежду одного из жителей, но не смог заставить себя посмотреть на его лицо.

Ему казалось, что если он не будет узнавать людей, то происходящее окажется не настоящим.

Что всё это всего лишь страшный сон.

Что он сейчас проснётся в своей комнате, услышит голос матери и увидит отца, собирающегося на тренировку.

Но площадь оставалась прежней.

И деревня тоже.

Харуто медленно направился к дому.

От жилища Масанори почти ничего не осталось.

Крыша обрушилась внутрь, стены почернели от огня, а деревянный навес, под которым они тренировались, превратился в груду обломков.

Старое дерево сакуры уцелело.

Его ствол был обуглен с одной стороны, несколько ветвей сломались, но корни всё ещё держались в земле.

Харуто остановился возле ворот.

Он вспомнил, как отец стоял здесь каждое утро с деревянным мечом. Вспомнил, как мать выносила ему завтрак, как они разговаривали возле очага, как вместе встречали первые осенние вечера.

Он сделал шаг внутрь.

Затем ещё один.

— Мама?..

Тишина.

— Отец?..

В ответ раздался только слабый треск остывающих балок.

Мальчик обошёл остатки дома.

Возле стены лежала деревянная шкатулка. Она почти полностью обгорела, но внутри сохранилась небольшая ткань, которой Аки когда-то укрывала семейные вещи.

Харуто развернул её.

Там находилась старая детская лента для волос.

Он узнал её.

Мать завязывала ему волосы, когда они были ещё длиннее. Иногда она смеялась, говоря, что сын похож на маленькую девочку.

Харуто прижал ленту к груди.

Затем заметил возле разрушенной стены ещё один предмет.

Это была катана отца.

Меч лежал в ножнах, наполовину засыпанный пеплом и обломками.

Харуто осторожно поднял его.

Оружие оказалось тяжёлым.

Он едва удержал его обеими руками.

Это была та самая катана, которую Масанори каждый вечер очищал и смазывал. Та, за которой ухаживал с особой тщательностью. Та, к которой не позволял прикасаться сыну.

Теперь она лежала в грязи среди обломков собственного дома.

Харуто попытался вынуть клинок.

Но меч застрял.

Мальчик потянул сильнее.

Наконец катана вышла из ножен.

На поверхности металла были заметны повреждения. Ближе к основанию клинка темнели следы засохшей крови.

Харуто почувствовал, как у него задрожали руки.

Он опустил оружие.

— Отец...

Возле старой сакуры лежал человек.

Сначала Харуто не узнал его.

Тело было закрыто обгоревшей тканью, а рядом находился сломанный меч. На земле виднелись следы многочисленной борьбы.

Мальчик медленно приблизился.

Он уже догадывался, кого увидит.

Но продолжал надеяться.

Надеяться, что это кто-то другой.

Что отец сумел уйти.

Что он где-то поблизости и просто ждёт его.

Харуто остановился в нескольких шагах.

— Отец?

Человек не двигался.

Мальчик опустился на колени.

Он осторожно отодвинул ткань.

Перед ним лежал Масанори.

Лицо отца было спокойным, словно тот просто заснул после долгого дня. На его одежде виднелись следы сражения, а рука всё ещё сжимала рукоять вакидзаси.

Харуто смотрел на него, не в силах пошевелиться.

— Отец...

Он коснулся его руки.

Она была холодной.

Мальчик попытался согреть её своими ладонями.

— Проснитесь.

Ничего не изменилось.

— Пожалуйста...

Он потряс отца за плечо.

— Я пришёл. Я вернулся.

В ответ была лишь тишина.

И тогда Харуто понял.

Отец больше никогда не встанет.

Никогда не выйдет во двор на утреннюю тренировку.

Никогда не поправит его стойку.

Никогда не скажет, что он должен быть терпеливым.

Харуто наклонился над телом отца и разрыдался.

Он плакал, повторяя одно и то же слово:

— Проснитесь... Пожалуйста, проснитесь...

Ветер шевелил обугленные ветви сакуры.

Несколько опавших лепестков и листьев кружились над землёй.

Мальчик не замечал ничего вокруг.

Впервые в жизни он оказался рядом со смертью человека, которого любил больше всех на свете.

Когда слёзы немного утихли, Харуто заметил, что рука отца всё ещё сжимает небольшой предмет.

Он осторожно разжал пальцы.

В ладони Масанори лежала металлическая застёжка от семейного амулета.

Харуто узнал её.

Такую же деталь имел подарок, который отец передал ему несколько дней назад.

Мальчик достал амулет из-под одежды.

Они были частью одного украшения.

Отец, вероятно, пытался вернуть ему нечто, что принадлежало семье.

Харуто приложил две детали друг к другу.

Они совпали.

На металлической поверхности проступили старые иероглифы, которые раньше мальчик никогда не рассматривал внимательно.

Один из них означал «свет».

Другой — «путь».

Харуто осторожно убрал амулет обратно.

Теперь это была последняя вещь, связывавшая его с отцом.

Он долго сидел под сакурой.

Солнце поднялось высоко, затем начало медленно клониться к западу. Холодный ветер приносил с собой запах золы.

Харуто не знал, сколько времени прошло.

Он вспоминал всё, что отец рассказывал ему о бусидо.

О мужестве.

О справедливости.

О милосердии.

О верности.

Но сейчас эти слова казались ему пустыми.

Где была справедливость, когда вооружённые люди ворвались в их дом?

Где было милосердие, когда они убивали жителей деревни?

Почему храбрость отца не спасла его?

Почему честь не остановила тех, кто пришёл ночью?

Мальчик впервые почувствовал, что мир не обязан быть справедливым.

И от этого ему стало страшно.

Он посмотрел на катану, лежавшую рядом.

Ему вспомнились люди в чёрных одеждах.

Их маски.

Их серебряные знаки.

Он вспомнил голос незнакомца, которого слышал возле дома.

Чёрный круг с серебряной линией.

Курогири.

Это имя теперь навсегда осталось в его памяти.

Харуто поднял меч отца.

Он не знал, как пользоваться настоящим клинком. Не знал, сможет ли вообще удержать его во время боя.

Но в этот момент ему казалось, что если он будет держать оружие, то отец останется рядом.

— Я найду вас, — прошептал мальчик.

Его голос дрожал.

— Я найду всех, кто это сделал.

Он посмотрел на разрушенный дом.

— И вы заплатите.

В этих словах не было ни рассудительности, ни мудрости.

Только боль.

И впервые в жизни Харуто почувствовал ненависть.

К вечеру он занялся тем, о чём никогда раньше не думал.

Ему предстояло похоронить отца.

Мальчик нашёл неподалёку небольшую лопату, которой жители пользовались для работы в огородах. Земля была влажной, но тяжёлой. Каждый раз, когда он вонзал инструмент в грунт, руки начинали болеть.

Он работал долго.

Иногда останавливался, чтобы перевести дыхание.

Несколько раз ему приходилось вытирать слёзы рукавом.

Наконец возле сакуры появилась небольшая могила.

Харуто осторожно перенёс туда отца.

Он накрыл тело чистой тканью, которую сумел найти среди уцелевших вещей, и опустил в землю.

Затем долго стоял над могилой, не зная, что сказать.

Вспомнил слова Масанори о достоинстве воина.

Вспомнил его улыбку.

Вспомнил последний разговор.

«Я горжусь тобой».

Мальчик опустился на колени.

— Я тоже горжусь вами, отец.

Он положил на могилу небольшой деревянный журавлик, который когда-то подарил ему Гэндзо. Но, вспомнив, что кузнец ещё жив, забрал фигурку обратно. Вместо неё оставил один из обломков деревянного меча, найденный возле дома.

Затем поклонился.

Так, как учил его отец.

Перед самым уходом Харуто в последний раз осмотрел дом.

Он нашёл несколько уцелевших вещей: небольшую чашу матери, старую ткань и деревянную фигурку журавля. Всё остальное было уничтожено огнём.

У порога лежала небольшая записка, обгоревшая по краям.

Мальчик поднял её.

На бумаге сохранилось несколько строк, написанных рукой Масанори.

«Если однажды мой сын прочитает эти слова, значит, мне не удалось уберечь его от того, что скрывает этот мир.

Харуто, помни: твоя жизнь принадлежит тебе. Не позволяй никому превращать её в оружие. Даже если однажды ты потеряешь всё, не отдавай им ещё и свою душу».

Подпись отца почти полностью исчезла.

Харуто перечитал записку несколько раз.

Затем сложил её и убрал за пазуху.

Он не мог понять, почему отец написал это.

Не мог понять, о каких людях и событиях шла речь.

Но теперь у него оставалось слишком много вопросов.

Когда солнце начало скрываться за горами, Харуто покинул Акахару.

На его плечах висела небольшая сумка с уцелевшими вещами. За поясом находился отцовский вакидзаси, а семейная катана была обёрнута тканью и закреплена за спиной.

Он шёл медленно.

Несколько раз оглядывался.

У старой сакуры, рядом с могилой отца, ветер поднял небольшое облако пепла.

Харуто остановился.

В последний раз посмотрел на место, где прошло его детство.

Ему хотелось остаться.

Хотелось лечь возле могилы и больше никогда не вставать.

Но он вспомнил голос матери.

Ты должен жить.

И сделал ещё один шаг.

Затем другой.

Дорога постепенно уводила его в густой лес, за которым начинались высокие горы.

Харуто не знал, куда направляется.

Не знал, что будет есть завтра.

Не знал, встретит ли когда-нибудь человека, который сможет помочь ему.

Но он знал имя своих врагов.

Курогири.

Чёрный туман.

Когда-нибудь он найдёт их.

Когда-нибудь станет достаточно сильным, чтобы встретиться с ними лицом к лицу.

И тогда каждый из них узнает, что уничтоженная деревня не стала концом истории.

Она стала её началом.

Вечерний ветер поднял над Акахарой последние остатки пепла.

На фоне багровеющего неба старая сакура стояла неподвижно, сохраняя над собой безмолвную тень.

Под её корнями покоился самурай.

А его сын уходил навстречу судьбе, которая однажды сделает его легендой.

В тот день Харуто потерял детство. Но вместе с ним в пепле родного дома зародилась месть, которой предстояло изменить всю его жизнь.

Часть II.
Ученик гор

Часть II. Ученик гор

Глава 7. Дорога в никуда

Третий день после гибели Акахары.

Харуто шёл по лесной дороге, не зная, куда она ведёт. За его спиной оставались горы, скрывавшие сгоревшую деревню, а впереди простирались незнакомые земли, покрытые густыми лесами и туманом.

Он почти не разговаривал с тех пор, как покинул родной дом. Иногда мальчик произносил имя отца, словно надеялся услышать ответ. Иногда останавливался, доставал из сумки семейный амулет и долго рассматривал его.

Дорога была тяжёлой.

На плечах Харуто висела небольшая сумка с остатками одежды и несколькими вещами, которые удалось спасти из дома. За спиной находилась катана отца, обёрнутая тканью. На поясе висел вакидзаси.

Мальчик едва справлялся с тяжестью оружия.

Несколько раз ему приходилось останавливаться и поправлять перевязь, которая натирала плечо. Но оставить меч он не мог.

Это было последнее, что осталось у него от Масанори.

Временами Харуто казалось, что отец всё ещё идёт рядом. Он почти слышал его голос, напоминающий о правильной осанке, осторожных шагах и необходимости следить за окружающим миром.

Но стоило обернуться, как за спиной оказывалась лишь пустая дорога.

Первую ночь Харуто провёл под корнями огромного дерева.

Он нашёл небольшое углубление между камнями, набросал туда сухих листьев и попытался устроиться поудобнее. Ему было холодно. Сумерки быстро превратились в ночь, а лес наполнился незнакомыми звуками.

Где-то ухнула сова.

Вдалеке послышался треск ветвей.

Мальчик вскочил и схватился за рукоять вакидзаси.

Он долго всматривался в темноту, но никого не увидел.

Харуто снова сел, прижавшись спиной к дереву.

Раньше отец говорил ему, что человек не должен позволять страху управлять собой.

Но сейчас страх управлял каждым его движением.

Каждый шорох казался шагами ниндзя. Каждая тень напоминала чёрную фигуру, которая могла появиться из-за дерева.

Мальчик вспоминал ту ночь.

Вспоминал, как Масанори стоял перед противниками с обнажённым мечом. Как мать закрывала его собой. Как огонь поглощал дома и поднимался к самому небу.

Он попытался закрыть глаза, но снова увидел лицо отца.

— Я найду вас, — прошептал Харуто.

Ему казалось, что произнесённые вслух слова делают обещание более настоящим.

Он сжал амулет.

— Я стану сильным. Сильнее вас всех.

Никто не ответил.

На рассвете голод заставил его подняться.

Запасы риса, которые мать положила в небольшую дорожную сумку, почти закончились. В кожаном сосуде оставалось немного воды.

Харуто направился к ручью, который слышал ночью.

Он шёл на звук, осторожно раздвигая ветви кустарников. Вскоре перед ним открылась небольшая поляна, через которую протекал чистый горный поток.

Мальчик опустился на колени и стал пить.

Холодная вода обожгла горло, но принесла облегчение.

Он умылся, вытер лицо рукавом и посмотрел на своё отражение.

Из воды на него смотрел незнакомый ребёнок.

Грязное лицо, спутанные волосы, покрасневшие глаза. На щеке виднелась небольшая царапина, а губы потрескались от холода.

Харуто провёл пальцами по лицу.

— Это я?..

Он долго смотрел на собственное отражение.

Ему вспомнилось, как мать каждое утро помогала ему умываться и поправляла одежду перед тренировкой.

Теперь рядом никого не было.

Он вытащил из сумки небольшой кусок ткани и попытался привести себя в порядок.

Затем достал деревянную фигурку журавля.

Одно крыло треснуло, поверхность потемнела от грязи, но сама фигурка сохранилась.

Харуто осторожно очистил её и убрал обратно.

После этого он отправился дальше.

К полудню лес стал гуще.

Большие деревья закрывали солнечный свет, а земля покрывалась влажным мхом и опавшими листьями. Иногда дорога раздваивалась, и Харуто приходилось выбирать направление наугад.

Он старался идти на север.

Отец когда-то рассказывал ему, что за несколько дней пути от Акахары начинаются горные территории, где расположены небольшие монастыри и поселения отшельников.

Но точного направления мальчик не знал.

Он не умел читать карты и никогда раньше не путешествовал один.

В какой-то момент Харуто вышел к старому каменному мосту.

Под ним протекала река, а возле переправы стоял небольшой деревянный указатель. Большая часть надписей выцвела, некоторые иероглифы оказались повреждены дождём.

Харуто попытался прочитать их.

Он узнал несколько знакомых знаков, но целиком понять надпись не смог.

На мгновение ему захотелось, чтобы рядом оказался отец.

Масанори непременно объяснил бы, куда ведёт дорога.

Мальчик опустил голову.

— Почему вы не научили меня всему? — произнёс он.

Его голос прозвучал горько и сердито.

Он знал, что отец не мог знать о случившемся. Но боль не позволяла рассуждать спокойно.

Харуто ударил ногой по небольшому камню.

Тот скатился с дороги и упал в воду.

— Почему вы оставили меня одного?!

Мальчик закрыл лицо руками.

Он плакал недолго. Скорее от бессилия, чем от желания. Затем вытер глаза и поднялся.

Впереди оставалась дорога.

И ему нужно было идти.

В середине дня Харуто заметил на дороге человеческие следы.

Они были свежими.

Несколько пар обуви прошли по влажной земле совсем недавно. Мальчик присел и внимательно рассмотрел отпечатки.

Он вспомнил уроки отца.

Не спеши.

Сначала смотри.

Затем думай.

Харуто заметил, что следы направлялись в сторону небольшой возвышенности. Там же, среди кустов, виднелась сломанная ветка.

Он насторожился.

Возможно, это были обычные путники. Возможно, торговцы или охотники.

Но после нападения на Акахару он перестал доверять незнакомцам.

Мальчик свернул с дороги и спрятался за деревьями.

Через несколько минут появились трое мужчин.

Они шли неспешно, разговаривая между собой. На плечах у них висели мешки, а за поясами находились короткие мечи.

Одежда была обычной дорожной, но один из мужчин носил на рукаве тёмную повязку.

Харуто почувствовал, как сердце забилось быстрее.

На повязке был вышит знакомый знак.

Чёрный круг.

Серебряная линия.

Курогири.

Мальчик едва не вскрикнул.

Он сильнее прижался к стволу дерева.

Один из путников остановился.

— Ты слышал?

— Что?

— Кажется, там кто-то есть.

Мужчины замолчали.

Харуто перестал дышать.

Старший из них медленно повернул голову в сторону деревьев.

— Наверное, зверь.

— Или человек.

— Неважно. Мы должны найти дорогу до перевала.

Они двинулись дальше.

Харуто не шевелился ещё долго после того, как голоса исчезли вдали.

Он понимал, что перед ним могли быть те самые люди, которые уничтожили его деревню.

Их присутствие означало, что клан продолжает действовать.

Мальчик осторожно вышел из укрытия.

В его голове возникла мысль.

Он мог бы последовать за ними.

Попытаться узнать, куда они направляются.

Возможно, даже напасть на одного из них.

Но затем Харуто вспомнил собственные тренировки.

Отец неоднократно говорил, что безрассудство не является храбростью.

Он понимал, что не сможет победить троих вооружённых взрослых.

И всё же ему было трудно уйти.

Харуто смотрел вслед незнакомцам, пока они не исчезли за поворотом.

— Я запомнил вас, — прошептал он.

Затем повернулся и пошёл в противоположную сторону.

К вечеру погода изменилась.

Сначала подул холодный ветер, затем небо затянули тяжёлые серые облака. Вскоре начался мелкий дождь.

Харуто попытался укрыться под деревьями, но капли всё равно проникали сквозь густую листву.

Дорога превратилась в грязь.

Мальчик несколько раз поскользнулся, а однажды упал на колени и ударился рукой о камень.

Он поднялся, стряхнул грязь с одежды и продолжил путь.

Голод становился невыносимым.

Он нашёл возле деревьев несколько ягод, но не был уверен, можно ли их есть. Вспомнив наставления матери о лекарственных и ядовитых растениях, решил не рисковать.

Вместо этого он набрал воды из ручья.

Когда окончательно стемнело, Харуто вышел к небольшому заброшенному строению.

Это была старая сторожевая постройка, оставшаяся возле прежней горной дороги. Одну стену уже давно покосило, крыша просела, а внутри лежали сгнившие доски.

Но здесь можно было укрыться от дождя.

Мальчик вошёл внутрь.

Он нашёл относительно сухой угол и устроился на полу.

Рядом положил катану.

Затем достал семейный амулет и несколько раз провёл по нему большим пальцем.

— Мама, — прошептал он.

Воспоминание о её голосе оказалось особенно болезненным.

Он вспомнил, как она укрывала его одеялом в детстве, как приносила сладости после тренировок, как однажды сказала, что настоящая сила нужна для того, чтобы рядом с человеком другим было спокойно.

Харуто закрыл глаза.

— Я постараюсь, мама.

Он хотел верить, что когда-нибудь снова станет тем мальчиком, который не знал страха и спешил домой к родителям после игры.

Но где-то глубоко внутри уже формировалось другое желание.

Найти Курогири.

Узнать имена тех, кто руководил нападением.

И заставить их заплатить.

Ночь оказалась беспокойной.

Харуто несколько раз просыпался от холода. Его одежда почти не высохла, а тело ломило от усталости.

Он ворочался, пытаясь найти удобное положение, но меч за спиной мешал ему.

Наконец мальчик поднялся и посмотрел наружу.

Дождь прекратился.

Среди облаков показалась луна.

Впервые за несколько дней он почувствовал странное желание поговорить с отцом.

— Ты говорил, что я должен быть терпеливым, — тихо произнёс Харуто. — Но я не могу ждать.

Он опустился на колени.

— Я хочу стать сильным. Я хочу научиться сражаться так, как ты. Я хочу найти этих людей.

Мальчик достал катану и положил её перед собой.

Он знал, что не способен управляться с настоящим мечом. Оружие было слишком тяжёлым, а его руки ещё не окрепли. Но Харуто решил, что будет тренироваться самостоятельно.

Он поднял клинок.

Попытался принять стойку, которую показывал отец.

Руки задрожали.

Меч наклонился, и мальчик едва не уронил его.

Он повторил движение.

На этот раз удержал оружие немного дольше.

Затем снова.

И снова.

Через несколько минут силы окончательно оставили его. Харуто опустил катану и тяжело сел на землю.

— Я ещё не готов, — прошептал он.

Эти слова дались ему тяжело.

Но впервые он признал собственную слабость.

Он понял, что одной ненависти недостаточно, чтобы победить тех, кто уничтожил его родной дом.

На рассвете Харуто покинул сторожевую постройку.

Дождь смыл большую часть следов, а воздух стал необычайно свежим. Вдалеке виднелись горы, покрытые густыми лесами.

Именно туда он решил направиться.

Несколько часов пути привели его к широкой долине. Деревья здесь росли реже, между камнями пробивалась высокая трава, а на склонах виднелись небольшие участки голой скалы.

Харуто вышел на открытое место и остановился.

Перед ним простирались горные хребты.

Их вершины терялись в облаках. Некоторые склоны были покрыты снегом, хотя внизу ещё сохранялась осенняя зелень.

Он никогда не видел таких гор.

В детстве отец рассказывал ему о местах, где люди живут вдали от городов, не признают власть местных военачальников и посвящают жизнь молитвам, изучению природы и самодисциплине.

Возможно, среди этих гор находились такие поселения.

Харуто посмотрел на небо.

— Если ты где-то есть, отец, помоги мне найти дорогу.

Ответа не последовало.

Но мальчик всё равно сделал шаг вперёд.

К полудню он добрался до горного ручья.

Вода стекала по камням и образовывала небольшие прозрачные водоёмы. Возле берега росли низкие кустарники, а на склоне виднелись следы старой тропы.

Харуто остановился напиться.

Он опустился на колени, зачерпнул воду ладонями и вдруг почувствовал сильное головокружение.

Мир перед глазами поплыл.

Мальчик попытался подняться, но ноги не удержали его.

Он упал на бок.

Несколько мгновений лежал неподвижно, глядя на небо сквозь ветви деревьев.

Ему казалось, что он слышит голос матери.

Затем вспомнил лицо отца.

Он попытался приподняться, но тело больше не слушалось.

— Я не могу... — прошептал Харуто.

Впервые за всё время он почувствовал, что может умереть.

Не в бою.

Не защищая кого-то.

А просто от голода, холода и усталости посреди чужого леса.

Мальчик закрыл глаза.

Ему стало очень тихо.

Некоторое время спустя неподалёку от ручья проходил старый охотник.

Он нёс на плече небольшую связку хвороста и несколько пойманных зайцев. Его шаги были медленными, но уверенными. На поясе висел короткий нож, а за спиной находился небольшой мешок.

Охотник услышал слабый звук.

Сначала он решил, что это раненное животное.

Но, приблизившись к воде, заметил лежащего ребёнка.

Старик поставил поклажу на землю и присел рядом.

— Эй, мальчик.

Харуто не ответил.

Охотник осторожно коснулся его плеча.

— Ты меня слышишь?

Мальчик едва заметно пошевелился.

— Воды...

Старик достал из сумки небольшой сосуд и осторожно поднёс его к губам ребёнка.

Харуто сделал несколько глотков.

Затем попытался открыть глаза.

Перед ним было незнакомое лицо. Седые волосы, глубокие морщины, спокойный взгляд.

— Где... я?

— Возле горного ручья.

Харуто попытался сесть.

— Мне нужно идти.

— Куда?

Мальчик замолчал.

Он не знал ответа.

Охотник посмотрел на оружие, лежавшее рядом.

— Чей это меч?

— Отца.

— А где твой отец?

Харуто отвернулся.

Старик понял, что спрашивать дальше пока не следует.

Он достал из мешка немного рисовых лепёшек и протянул мальчику.

Харуто жадно потянулся к еде, но охотник остановил его руку.

— Медленно. Не торопись.

Мальчик стал есть небольшими кусками.

Когда он закончил, старик помог ему подняться.

— Здесь недалеко есть место, где можно укрыться. Пойдём со мной.

Харуто посмотрел на незнакомца с подозрением.

Он вспомнил людей Курогири.

— Вы кто?

Старик усмехнулся.

— Человек, который нашёл тебя возле воды.

— Вы знаете ниндзя?

Улыбка исчезла с лица охотника.

— Откуда ты знаешь это слово?

Харуто ничего не ответил.

Несколько секунд старик внимательно смотрел на него.

Затем перевёл взгляд на катану.

— Похоже, ты прошёл через многое.

Он поднял поклажу.

— Пойдём. В этих местах холодные ночи. Тебе нельзя оставаться одному.

Харуто неохотно последовал за ним.

Они шли по узкой горной тропе.

Охотник двигался медленно, подстраиваясь под шаги мальчика. Иногда он останавливался, чтобы дать ему отдохнуть.

Через некоторое время между деревьями показалась небольшая хижина.

Она стояла на каменном уступе, окружённая соснами и кустарниками. Рядом находился небольшой огород, а за домом виднелся деревянный навес с аккуратно сложенными дровами.

Из небольшой трубы поднималась тонкая струйка дыма.

Харуто остановился.

— Здесь вы живёте?

— Иногда.

— А кто ещё?

Старик посмотрел на него.

— Пока только я.

Они подошли к двери.

Внутри было просто. Небольшая комната, очаг, несколько деревянных полок, сосуды с травами и старые свитки. В углу лежал свёрнутый футон, а на стене висел небольшой деревянный лук.

Охотник предложил мальчику сесть.

— Как тебя зовут?

— Харуто.

— А фамилия?

Мальчик немного помедлил.

— Я из семьи Масанори.

Старик внимательно посмотрел на него.

— Масанори из Акахары?

Харуто поднял голову.

— Вы знали моего отца?

Охотник не ответил сразу.

Он подошёл к очагу, подбросил несколько сухих веток и приготовил воду для чая.

— Возможно, слышал о нём.

— Он был самураем.

— Я вижу.

Взгляд старика остановился на мечах.

— А теперь расскажи, почему ребёнок один бродит по этим горам с двумя самурайскими клинками.

Харуто опустил глаза.

Он долго молчал.

Потом достал семейный амулет и положил перед собой.

— Мою деревню сожгли.

Старик перестал заниматься очагом.

— Кто?

— Люди в чёрных одеждах. На их руках был знак. Чёрный круг с серебряной линией.

Старик медленно повернулся.

Его лицо изменилось.

Он больше не выглядел обычным охотником, который случайно встретил потерявшегося ребёнка.

— Курогири, — негромко произнёс он.

Харуто резко поднял голову.

— Вы знаете их?

Старик не ответил.

Он подошёл к двери, посмотрел наружу и некоторое время прислушивался к ветру.

Затем закрыл дверь.

— Тебе нужно отдохнуть, Харуто. Сейчас ты слишком слаб, чтобы куда-либо идти.

— Я должен найти их!

— Не сегодня.

— Они убили моего отца!

Голос мальчика сорвался.

Старик медленно повернулся к нему.

— Ты хочешь отомстить?

Харуто поднялся.

— Да.

— И думаешь, что сможешь?

— Я научусь!

Старик посмотрел на него долгим взглядом.

— Тогда тебе придётся сначала научиться жить.

Мальчик ничего не ответил.

За окном шумели деревья.

Харуто впервые за несколько дней находился под крышей, где не было дыма, огня и криков.

Он ещё не знал, кто этот старик.

Не знал, почему тот так странно отреагировал на название Курогири.

И не догадывался, что случайная встреча у горного ручья изменит его судьбу гораздо сильнее, чем гибель родной деревни.

Старик тем временем смотрел на семейный амулет, лежавший возле очага.

Ему показалось знакомым изображение восходящего солнца.

Он видел подобный знак много лет назад.

И тогда тоже был рядом с Масанори.

Дорога Харуто привела его в горы. Но настоящее испытание только начиналось.

Глава 8. Старик из горной хижины

Харуто проснулся от запаха рисовой каши.

Несколько мгновений он лежал неподвижно, пытаясь понять, где находится. Над головой были незнакомые деревянные балки, за тонкой перегородкой слышался треск огня, а где-то снаружи шумел ветер.

Он резко приподнялся.

Катана!

Мальчик оглядел комнату. Меч лежал возле стены, аккуратно прислонённый к деревянной стойке. Рядом находился вакидзаси, а его небольшая сумка стояла возле входа.

Харуто облегчённо выдохнул.

Он попытался подняться, но тело отозвалось болью. Ноги дрожали, а голова немного кружилась. Только теперь он осознал, насколько сильно устал за последние дни.

— Не торопись, — раздался голос из соседней комнаты. — Если будешь вскакивать с постели, снова окажешься на полу.

В проёме появился вчерашний незнакомец.

На нём была простая серая одежда, поверх которой он накинул тёмное одеяние. Седые волосы свободно спадали на плечи, а в руках он держал деревянную чашу.

— Проснулся, наконец, — произнёс старик.

— Где я?

— В моей хижине.

— Как долго я спал?

— Почти сутки.

Харуто удивлённо посмотрел на него.

— Целые сутки?

— Твоё тело решило, что с него достаточно. Пришлось дать ему возможность отдохнуть.

Старик поставил чашу возле мальчика.

— Ешь.

Харуто заглянул внутрь. Там была жидкая рисовая каша с небольшим количеством овощей.

Он взял ложку и начал есть.

Старик наблюдал за ним, сидя возле очага.

— Медленнее. Ты слишком долго голодал.

Мальчик послушался.

Некоторое время они молчали.

За окном порывы ветра раскачивали ветви сосен. Откуда-то доносился звук капель, падающих с крыши после ночного дождя.

Харуто доел кашу и отставил чашу.

— Спасибо.

Старик кивнул.

— Как твои ноги?

— Болят.

— Руки?

— Тоже.

— Голова?

— Немного.

— Значит, пока ты ещё жив.

Харуто не понял, шутит старик или говорит серьёзно.

После завтрака незнакомец предложил мальчику выйти на небольшое крыльцо.

Харуто осторожно поднялся. Он сделал несколько шагов, держась за стену, и только потом смог выпрямиться.

Снаружи открывался удивительный вид.

Хижина стояла на небольшом горном уступе. С одной стороны поднимался крутой склон, покрытый соснами и кедрами, с другой открывалась глубокая долина. Вдалеке возвышались горные вершины, некоторые из которых скрывались за облаками.

Ниже, среди деревьев, извивалась узкая тропа.

Возле хижины находился небольшой огород. На деревянной ограде сушились пучки трав, под навесом были сложены дрова, а неподалёку стояла бочка для сбора дождевой воды.

Здесь было спокойно.

Настолько спокойно, что Харуто на мгновение забыл о разрушенной деревне.

— Красиво, — произнёс он.

— Горы не нуждаются в том, чтобы кто-то называл их красивыми, — ответил старик. — Они просто стоят.

— Вы давно здесь живёте?

— Достаточно долго.

— Вы один?

— Разве ты не видишь?

Харуто посмотрел на окружающую местность.

— А родственники у вас есть?

Старик усмехнулся.

— Слишком много вопросов для человека, который ещё вчера едва мог стоять на ногах.

Мальчик опустил голову.

— Простите.

— Не извиняйся за любопытство. Просто научись выбирать время для вопросов.

Старик направился к огороду.

— Идём. Покажу тебе кое-что.

За хижиной находилась небольшая площадка, выложенная плоскими камнями.

На ней стояли несколько деревянных столбов, висели тренировочные мешки из плотной ткани, а возле стены располагалась деревянная стойка с оружием.

Харуто сразу заметил мечи.

Их было несколько.

Один напоминал обычную катану, другой был значительно короче. Рядом лежали деревянные тренировочные мечи, посохи и несколько небольших метательных приспособлений.

Мальчик подошёл ближе.

— Вы самурай?

Старик остановился.

— Почему ты так решил?

— У вас мечи.

— Мечи есть не только у самураев.

— Тогда вы ниндзя?

Старик рассмеялся.

— Нет. И никогда им не был.

Он снял с подставки короткий деревянный меч и слегка повернул его в руках.

— Меня зовут Сэйгэн.

Харуто поклонился.

— Рад знакомству.

— А я пока не знаю, рад ли я тебе.

Мальчик удивлённо поднял глаза.

Сэйгэн вернул тренировочный меч на место.

— Ты появился возле моего ручья с оружием, которое тебе не по силам, именем опасного клана на устах и желанием отомстить. Обычно такие встречи не предвещают ничего хорошего.

— Я не хотел вам мешать.

— Дело не в том, мешаешь ты или нет.

Старик посмотрел на мальчика.

— Дело в том, что ты принёс с собой беду, от которой сам пока не умеешь защищаться.

Харуто опустил глаза.

— Я не хотел, чтобы всё это случилось.

Сэйгэн несколько секунд молчал.

— Знаю.

Вскоре старик пригласил Харуто обратно в дом.

Он достал из деревянного ящика небольшую баночку с лекарственной мазью и несколько чистых полос ткани.

— Покажи руки.

Мальчик протянул ладони.

На них виднелись царапины, мозоли и небольшие воспалённые участки кожи.

Сэйгэн внимательно осмотрел повреждения.

— Ты пытался самостоятельно пользоваться настоящим мечом?

— Да.

— И что получилось?

— Я едва мог его удерживать.

— А ты ожидал другого?

Харуто ничего не ответил.

Старик осторожно нанёс мазь на повреждения.

— Твой отец не позволял тебе тренироваться с настоящим клинком?

— Нет. Он говорил, что я ещё маленький.

— И он был прав.

— Но я должен научиться.

Сэйгэн поднял голову.

— Зачем?

Харуто сжал пальцы, поморщившись от боли.

— Чтобы стать сильным.

— Зачем тебе сила?

— Чтобы победить людей, которые уничтожили мою деревню.

— И что ты сделаешь после того, как победишь их?

Мальчик замолчал.

Он не думал об этом.

В его представлении существовало только одно будущее: найти Курогири и уничтожить тех, кто убил его родителей.

Сэйгэн закончил перевязку и убрал баночку.

— Хорошо. Пока не отвечай. Но однажды тебе придётся задуматься.

К полудню Харуто немного окреп.

Сэйгэн приготовил простой обед: рис, тушёные овощи и небольшую порцию рыбы. Они ели молча, сидя друг напротив друга.

Когда трапеза закончилась, старик достал небольшой чайник.

— Ты сказал, что твой отец погиб во время нападения на деревню Акахара?

Харуто кивнул.

— Да.

— Как его звали?

— Масанори.

Рука Сэйгэна, державшая чайник, на мгновение остановилась.

Он медленно поставил его на стол.

— Масанори...

Старик повторил имя ещё раз, будто пытался убедиться, что правильно расслышал.

— У него был шрам возле левого виска?

Харуто удивлённо посмотрел на него.

— Да. Откуда вы знаете?

Сэйгэн отвернулся к окну.

Несколько мгновений он смотрел на горный склон.

— Значит, это действительно был он.

— Вы знали моего отца?

Сэйгэн не спешил отвечать.

— Очень давно.

Харуто придвинулся ближе.

— Вы были друзьями?

— Мы не называли друг друга друзьями. Но однажды вместе прошли через то, после чего люди обычно начинают доверять друг другу.

— Вы сражались вместе?

Старик кивнул.

— Много лет назад.

Харуто почувствовал, как внутри зарождается надежда.

Впервые после гибели отца перед ним находился человек, который мог рассказать о его прошлом.

— Каким он был?

Сэйгэн посмотрел на мальчика.

— Упрямым.

Харуто невольно улыбнулся.

— Он и сейчас такой.

— Слишком много думал о других и слишком мало о себе.

Старик отпил чай.

— В молодости он был одним из самых способных мечников нашего отряда. Но, в отличие от многих, не стремился прославиться. Он никогда не любил бессмысленные сражения.

— Отец говорил, что меч нужен для защиты.

Сэйгэн слегка кивнул.

— Похоже, он всё-таки научил тебя чему-то важному.

Старик поднялся и подошёл к дальней стене комнаты.

Там висел старый свиток, перевязанный потемневшей верёвкой. Сэйгэн осторожно снял его и развернул на столе.

На бумаге были изображены горные тропы, несколько небольших поселений и условные отметки.

— Что это? — спросил Харуто.

— Старая карта.

— Вы здесь всё изучали?

— Когда-то мне приходилось много путешествовать по этим землям.

Сэйгэн провёл пальцем по одному из участков карты.

— Я был разведчиком при военном отряде. Знал горные дороги, умел читать следы, находить скрытые проходы и замечать опасность раньше остальных.

— Значит, вы тоже были воином?

— В некотором роде.

— А почему перестали им быть?

Старик свернул карту.

— Потому что однажды понял, что больше не хочу жить так, как жил.

Харуто ждал продолжения, но его не последовало.

— Вы служили моему отцу?

— Мы служили одному господину. В разные годы.

— А потом?

Сэйгэн посмотрел на очаг.

— Потом каждый пошёл своей дорогой.

Харуто не мог перестать задавать вопросы.

— Вы знаете Курогири?

На этот раз лицо старика стало серьёзным.

— К сожалению.

— Вы сражались с ними?

— Встречался с их людьми.

— Они действительно настолько сильны?

Сэйгэн медленно кивнул.

— Они опасны не потому, что умеют хорошо обращаться с оружием. Опасность заключается в том, что они редко сражаются честно. Они наблюдают, выжидают, изучают привычки противника и выбирают момент, когда тот меньше всего готов к нападению.

— Но самурай должен сражаться открыто.

— Самурай должен понимать, с кем имеет дело.

— Значит, бусидо не имеет значения против таких людей?

Сэйгэн посмотрел на него с неожиданной строгостью.

— Не смей путать достоинство с глупостью.

Харуто замолчал.

— Твои принципы нужны не только тогда, когда противник соблюдает правила. Они особенно нужны тогда, когда никто вокруг не считает их важными.

Старик подошёл к стойке с оружием и снял деревянный меч.

— Но прежде чем думать о Курогири, тебе нужно научиться не падать от собственного веса.

Харуто посмотрел на свои ноги.

— Я смогу тренироваться?

— Когда поправишься.

— Завтра?

— Когда поправишься.

— А послезавтра?

Сэйгэн усмехнулся.

— Ты похож на своего отца.

После обеда старик предложил мальчику небольшую прогулку возле хижины.

Они поднялись по узкой тропе к небольшому каменному выступу. Оттуда открывался вид на долину и несколько горных вершин.

Сэйгэн остановился возле сосны.

— Посмотри вниз.

Харуто подошёл к краю.

Вдали, среди деревьев, виднелась тонкая полоска дыма.

— Там кто-то живёт? — спросил мальчик.

— Возможно. В этих горах есть небольшие поселения.

— Вы никогда не скучаете здесь один?

Старик задумался.

— Иногда.

— Тогда почему не возвращаетесь к людям?

— Потому что одиночество бывает полезнее общества.

Харуто посмотрел на него.

— Но ведь человек не должен быть один.

Сэйгэн усмехнулся.

— Так говорит ребёнок, который последние несколько дней мечтал встретить хоть кого-нибудь.

Харуто опустил глаза.

— Я не знаю, что делать.

Старик повернулся к нему.

— Это нормально.

— Раньше я знал. Я просыпался, тренировался с отцом, помогал матери. Потом играл с друзьями. Я знал, куда идти и что делать.

Он сделал паузу.

— Теперь у меня ничего нет.

Сэйгэн не стал перебивать.

— Я даже не знаю, где буду завтра.

Старик положил ладонь на плечо мальчика.

— Иногда человеку приходится потерять привычный путь, чтобы однажды найти другой.

Харуто посмотрел на долину.

— А если я не хочу другого пути?

— Тогда тебе придётся научиться идти по тому, который у тебя остался.

К вечеру Сэйгэн вернулся к своим делам.

Он расколол несколько поленьев, проверил огород и собрал сухие травы, которые висели под навесом. Харуто наблюдал за ним, сидя на крыльце.

Старик двигался неторопливо, но каждое его движение было точным.

Он не тратил лишних усилий, редко останавливался и будто заранее знал, что собирается делать дальше.

Харуто вспомнил отца.

Масанори двигался почти так же.

— Вы всегда такой спокойный? — спросил мальчик.

Сэйгэн поднял очередное полено.

— Нет.

— А когда сердитесь?

— Тогда стараюсь молчать.

— Почему?

— Потому что сердитый человек часто говорит то, о чём потом жалеет.

Харуто задумался.

— А если хочется ударить кого-нибудь?

Старик посмотрел на него.

— Тогда сначала подумай, почему тебе этого хочется.

Мальчик ничего не ответил.

Сэйгэн расколол полено.

— Гнев сам по себе не враг. Но если ты отдашь ему власть над собой, он будет управлять тобой до конца жизни.

Харуто опустил голову.

Он понимал, что старик говорит о его мести.

Но отказаться от неё мальчик пока не мог.

Ночью Сэйгэн приготовил для Харуто отдельное место для сна.

В небольшой комнате находился старый футон, деревянный сундук и небольшая полка. На стене висела картина с изображением горного озера.

Мальчик положил рядом катану, вакидзаси и сумку.

Затем достал семейный амулет.

Он долго смотрел на него, прежде чем спрятать под одежду.

Сэйгэн появился в дверях.

— Спать будешь здесь.

— Спасибо.

— Завтра тебе понадобится отдых.

Харуто посмотрел на старика.

— Вы позволите мне остаться?

Сэйгэн прислонился к дверному косяку.

— Пока ты не окрепнешь.

— А потом?

Старик внимательно посмотрел на него.

— А потом мы поговорим.

— О чём?

— О том, что ты собираешься делать со своей жизнью.

Харуто сжал амулет.

— Я уже знаю.

— Вот и проверим.

Старик собрался уходить, но мальчик окликнул его.

— Сэйгэн.

Тот обернулся.

— Да?

— Вы сказали, что знали моего отца. Он был хорошим человеком?

Старик некоторое время молчал.

Затем ответил:

— Твой отец был одним из немногих людей, рядом с которыми мне не приходилось проверять собственный меч перед сном.

Харуто опустил голову.

— Я скучаю по нему.

Сэйгэн посмотрел на мальчика.

— Я тоже.

Он тихо закрыл дверь.

В своей комнате старик ещё долго не ложился спать.

Он сидел возле очага и держал в руках старую металлическую пластину с выгравированным знаком, похожим на семейный символ Масанори.

Пластина принадлежала ему самому.

Много лет назад Масанори передал её Сэйгэну после одного из совместных походов. Тогда они договорились, что если кому-то из них понадобится помощь, достаточно будет показать этот знак.

Сэйгэн не видел своего товарища много лет.

Он знал, что тот оставил службу, обзавёлся семьёй и поселился в Акахаре.

Но не знал, что Масанори продолжал хранить старые документы, из-за которых когда-то начался их конфликт с Курогири.

Теперь прошлое вновь оказалось рядом.

Сэйгэн медленно положил пластину на стол.

Он вспомнил последнюю встречу с Масанори.

Тот тогда сказал:

«Я хочу, чтобы мой сын вырос в мире, где ему не придётся брать в руки меч ради выживания».

Сэйгэн долго смотрел на огонь.

Потом тихо произнёс:

— Прости, старый друг. Похоже, мне всё-таки придётся вмешаться.

За стеной спал Харуто.

Впервые после гибели родителей он находился в настоящем убежище. Рядом были крыша, очаг и человек, который не собирался причинять ему вреда.

Но спокойствие не приносило облегчения.

В его голове продолжали возникать воспоминания о горящей Акахаре.

Он видел отца с мечом, мать возле сарая и лица людей, скрытых чёрными повязками.

Ему снился старый дом.

Сад.

Дерево сакуры.

Отец стоял возле тренировочной площадки и протягивал ему деревянный меч.

— Встань правильно, Харуто.

Мальчик хотел подойти, но ноги не двигались.

— Отец!

Масанори медленно отдалялся.

— Не забывай, чему я тебя учил.

— Подождите!

В следующую секунду всё вокруг погрузилось в огонь.

Харуто резко проснулся.

Он тяжело дышал и долго не мог успокоиться.

За окном начинало светать.

Мальчик сел на футоне и вытер лицо.

Затем посмотрел на меч отца.

Его желание отомстить не исчезло.

Но теперь он знал, что встретил человека, который мог помочь ему стать сильнее.

Человека, который знал Масанори.

Человека, который знал Курогири.

И, возможно, человека, способного показать ему путь, о существовании которого Харуто прежде даже не подозревал.

В горах появился новый ученик. А старый отшельник впервые за много лет задумался о возвращении к прошлому.

Глава 9. Два вопроса

Утро в горах началось с тумана.

Белёсая пелена медленно стекала по склонам, укрывая сосны, камни и узкие тропинки. Влажные ветви деревьев касались крыши маленькой хижины, а с края деревянного навеса одна за другой падали капли ночного дождя.

Харуто проснулся рано.

Впервые за несколько дней он чувствовал себя немного лучше. Боль в ногах почти прошла, руки постепенно заживали, а голова больше не кружилась при каждом движении.

Он сел на футон, осмотрел комнату и посмотрел на катану отца, стоявшую возле стены.

Меч напоминал ему о том, зачем он оказался здесь.

Мальчик поднялся, умылся холодной водой и вышел на крыльцо.

Сэйгэн уже находился во дворе.

Старик стоял возле деревянной стойки и выполнял медленные движения руками. Он не держал оружия, не пытался продемонстрировать силу или скорость. Его движения были размеренными и плавными, будто он повторял давно знакомый порядок, который не требовал усилий.

Харуто некоторое время наблюдал.

— Доброе утро, — произнёс он.

Сэйгэн не повернулся.

— Проснулся?

— Да.

— Хорошо. Значит, сегодня сможешь пройти несколько шагов без того, чтобы упасть.

Харуто немного смутился.

— Я уже почти здоров.

— Так говорят все, кто ещё не научился отличать выздоровление от нетерпения.

Старик закончил упражнение и посмотрел на мальчика.

— Сегодня мы поговорим.

— О тренировках?

— Нет.

Харуто удивлённо поднял брови.

— Тогда о чём?

Сэйгэн указал на небольшой каменный выступ за хижиной.

— О тебе.

Они поднялись по узкой тропе и остановились возле большого камня, с которого открывался вид на долину.

Солнце только начинало освещать противоположный склон. Внизу среди деревьев виднелась серебристая лента реки, а далеко на горизонте возвышались горные вершины.

Сэйгэн сел на камень.

Харуто устроился напротив.

Некоторое время они молчали.

Старик смотрел на долину, а мальчик время от времени поглядывал на него, ожидая начала разговора.

Наконец Сэйгэн произнёс:

— Ты говорил, что хочешь найти Курогири.

— Да.

— И что собираешься сделать, когда найдёшь?

— Убью их.

Сэйгэн даже не повернул головы.

— Всех?

— Всех, кто участвовал в нападении на мою деревню.

— А если среди них окажется человек, который не был там?

Харуто задумался.

— Тогда я узнаю, кто он.

— А если он не причастен к убийству твоих родителей, но знает, где находятся виновные?

— Я заставлю его говорить.

— Каким образом?

Мальчик замолчал.

Сэйгэн повернулся к нему.

— Ты видишь? Даже сейчас, когда перед тобой нет врага, ты не знаешь, что будешь делать. Ты говоришь о мести, но не понимаешь, куда она тебя приведёт.

— Я просто хочу, чтобы они заплатили!

— Это желание я понимаю.

— Тогда почему вы меня не понимаете?

Старик некоторое время смотрел на него.

— Потому что понимаю слишком хорошо.

Сэйгэн поднялся и подошёл к краю каменного выступа.

— Я задам тебе два вопроса, Харуто. Не отвечай сразу. Подумай столько, сколько потребуется.

Мальчик выпрямился.

— Хорошо.

Старик обернулся.

— Первый вопрос. Если ты найдёшь человека, который убил твоего отца, и убьёшь его, станет ли твой отец снова живым?

Харуто сразу ответил:

— Нет.

— Услышишь ли ты снова его голос?

— Нет.

— Сможет ли он вернуться домой, встать во дворе и продолжить учить тебя владеть мечом?

Мальчик опустил глаза.

— Нет.

— Тогда что изменится?

Харуто долго молчал.

Он понимал, что старик ждёт ответа, но не мог подобрать слова.

Всё, чего он хотел последние дни, заключалось в том, чтобы найти виновных и заставить их почувствовать ту же боль, которую испытал сам.

Но теперь перед ним вставал вопрос, о котором он никогда не задумывался.

Что произойдёт после?

Умрёт ли ненависть вместе с человеком, которого он убьёт?

Вернётся ли прежняя жизнь?

Станет ли легче?

Харуто сжал пальцы.

— Ничего не изменится, — тихо произнёс он.

Сэйгэн кивнул.

— Верно. Прошлое останется неизменным. Но это не значит, что ты обязан забыть о случившемся.

Старик сделал несколько шагов.

— Теперь второй вопрос.

Он остановился напротив мальчика.

— Зачем ты хочешь убивать?

Харуто поднял голову.

— Они убили моих родителей.

— Это причина твоей боли. Но я спрашиваю о другом. Ради чего ты хочешь причинять им смерть?

Мальчик ответил не сразу.

— Я хочу отомстить.

— Мы уже говорили об этом. Я спрашиваю, зачем.

Харуто почувствовал раздражение.

— Чтобы они не смогли больше никого убивать!

Сэйгэн внимательно посмотрел на него.

— Это уже другой ответ.

Старик присел возле большого камня.

— Значит, ты хочешь не просто отомстить. Ты хочешь, чтобы никто больше не пережил того, что пережил ты.

Харуто молчал.

— Скажи мне, мальчик, если однажды перед тобой окажется человек из Курогири, который не участвовал в нападении на Акахару, но способен причинить вред другим людям, что ты сделаешь?

— Остановлю его.

— А если он сдастся?

— Не знаю.

— А если он будет просить о пощаде?

Харуто опустил взгляд.

— Я не знаю, Сэйгэн.

— Хорошо.

— Почему хорошо? — удивился мальчик.

— Потому что впервые ты не пытаешься казаться человеком, которым ещё не стал.

Старик достал из складок одежды небольшую деревянную пластину. На её поверхности был выгравирован иероглиф.

#

— Знаешь, что означает этот знак?

Харуто покачал головой.

— Сердце. Но в старом японском понимании он связан не только с чувствами. Он также обозначает сознание, внутренний мир человека, его намерения.

Сэйгэн положил пластину на камень.

— Ты можешь научиться владеть мечом. Можешь стать быстрее, сильнее, выносливее. Можешь научиться находить следы, скрываться в лесу и замечать опасность. Но если внутри тебя останется только ненависть, всё это сделает тебя не лучше тех, кого ты ищешь.

Харуто поднял глаза.

— Вы хотите сказать, что я должен их простить?

Сэйгэн покачал головой.

— Нет.

Мальчик удивился.

— Но разве ненависть не мешает идти по пути бусидо?

— Иногда мешает. Но я не стану требовать от ребёнка, потерявшего родителей, чтобы он простил убийц. Это было бы несправедливо по отношению к тебе.

Старик посмотрел на далёкие горы.

— Я лишь хочу, чтобы ты не позволил им отнять у тебя ещё и будущее.

Эти слова глубоко запали в сознание Харуто.

Он вспомнил записку отца, которую хранил за пазухой.

«Не позволяй никому превращать твою жизнь в оружие».

Теперь мальчик впервые задумался, что, возможно, отец говорил именно о людях вроде Курогири.

Они вернулись к хижине ближе к полудню.

Сэйгэн приготовил чай и поставил перед Харуто небольшую чашку.

Мальчик долго держал её в ладонях, согревая пальцы.

— Можно задать вам вопрос? — произнёс он.

— Можно.

— Вы когда-нибудь хотели отомстить?

Старик медленно поднял голову.

Впервые за всё время Харуто заметил в его взгляде что-то тяжёлое.

— Да.

— Кому?

Сэйгэн не ответил.

Он подошёл к дальней стене, снял с деревянной полки небольшой свёрток и положил его на стол.

Внутри находился старый меч.

Его ножны были повреждены, а на рукояти потемнела тканевая обмотка.

— Много лет назад я служил в отряде, которому поручали разведку и охрану важных военных объектов. Мы сопровождали людей, собирали сведения и иногда вступали в сражения, о которых не писали в хрониках.

Он провёл пальцами по ножнам.

— Во время одной операции наш отряд попал в засаду. Нас было девять человек. Вернулись только двое.

Харуто внимательно слушал.

— Я потерял друзей. Потерял людей, с которыми делил пищу, ночлег и опасность. Я знал, кто организовал нападение, и долгие годы мечтал встретиться с этим человеком.

— Вы нашли его?

— Да.

— И убили?

Сэйгэн посмотрел на мальчика.

— Я получил такую возможность.

Харуто придвинулся ближе.

— Что произошло?

Старик закрыл свёрток.

— Когда я встретил его, он уже был старым и больным. Его руки дрожали, а рядом находилась маленькая девочка. Его внучка.

— Вы могли убить его?

— Мог.

— Но не сделали этого?

Сэйгэн медленно покачал головой.

— Нет.

Харуто нахмурился.

— Почему?

— Потому что понял: если убью его, то на этом моя боль не закончится. Я просто добавлю ещё одну смерть к тем, которые уже случились.

— Вы простили его?

— Нет. Я никогда не простил того, что он сделал.

— Тогда почему отпустили?

Сэйгэн посмотрел на старый меч.

— Потому что не захотел провести остаток жизни, служа собственной ненависти.

После долгого молчания Харуто достал из-за пазухи отцовскую записку.

Бумага была сложена несколько раз. Её края обгорели, а некоторые строки почти невозможно было прочитать.

— Мой отец оставил это.

Сэйгэн осторожно взял лист.

Он сразу узнал почерк Масанори.

Старик долго читал сохранившиеся строки.

Когда дошёл до последнего предложения, его пальцы слегка дрогнули.

— «Не отдавай им ещё и свою душу», — прочитал он вслух.

Харуто посмотрел на него.

— Вы знаете, почему отец это написал?

Сэйгэн вернул записку.

— Возможно, он понимал, что рано или поздно Курогири снова появится в его жизни.

— Вы знали, что они собираются напасть на Акахару?

— Нет.

Старик тяжело вздохнул.

— Но я знал, что они давно интересовались твоим отцом.

— Почему?

Сэйгэн не спешил с ответом.

Затем достал из-под одежды металлическую пластину с необычным знаком.

Харуто узнал его.

Такой же символ был на руках ниндзя, которые разрушили его деревню.

— Откуда он у вас?

— Масанори когда-то передал его мне. Это часть истории, которую он пытался оставить позади.

— Какой истории?

Сэйгэн повернул пластину.

На обратной стороне находились несколько мелких знаков.

— Много лет назад твой отец участвовал в походе, во время которого были раскрыты тайные связи Курогири с одним из влиятельных военных советников. Они собирались использовать полученные сведения для организации покушения на сёгуна.

— Значит, они хотели убить сёгуна?

— Возможно. Но самое опасное заключалось не в этом. За заговором стояли люди, заинтересованные в том, чтобы после смерти правителя началась борьба за власть.

Харуто пытался понять услышанное.

— И отец узнал об этом?

— Да. Он отказался передать им документы.

— Поэтому они пришли в нашу деревню?

Сэйгэн посмотрел на мальчика.

— Я боюсь, что именно так.

Харуто сжал руки.

— Значит, всё произошло из-за этих документов?

— Не только. Твой отец отказался стать частью преступления. Для таких людей это иногда хуже, чем прямое предательство.

— Они убили его из-за того, что он поступил правильно?

Старик не стал смягчать ответ.

— Похоже на то.

В хижине стало тихо.

За окном шумел ветер, а в очаге потрескивали поленья.

Харуто сидел неподвижно.

Теперь его ненависть обрела конкретную причину. Он знал, что убийство родителей могло быть связано не с обычной враждой, а с давним заговором.

Но это не принесло облегчения.

Напротив, вопросов стало ещё больше.

— Вы знаете, кто руководит Курогири?

— Нет.

— Знаете, где они живут?

— У них нет одного постоянного убежища.

— Тогда как я смогу их найти?

Сэйгэн посмотрел на него.

— Не сейчас.

— Снова это слово!

Харуто вскочил.

— Вы всё время говорите, что я ещё не готов! Что мне нужно отдыхать! Что нужно ждать! Но я больше не могу ждать!

Старик спокойно поднялся.

— Сядь.

— Нет!

— Харуто.

— Я должен был умереть вместе с ними! Тогда бы хотя бы...

Мальчик не закончил фразу.

Сэйгэн подошёл ближе и положил руку ему на плечо.

— Ты не должен был умирать.

Харуто посмотрел на него.

— Твои родители погибли не для того, чтобы ты последовал за ними. Они хотели, чтобы ты жил.

Глаза мальчика наполнились слезами.

— Я не знаю, как жить без них.

Старик не ответил сразу.

Он просто остался рядом.

Впервые за всё время Сэйгэн увидел в Харуто не будущего воина, не сына погибшего самурая и не человека, одержимого местью.

Он увидел маленького ребёнка, который слишком рано остался один.

— Ты не обязан знать это прямо сейчас, — наконец произнёс старик. — Тебе всего восемь лет. Позволь себе быть ребёнком хотя бы иногда.

Харуто закрыл лицо руками.

Сэйгэн не пытался остановить его слёзы.

Он знал, что иногда человеку нужно не наставление, а возможность выплакать то, что слишком долго оставалось внутри.

В тот вечер Харуто долго сидел возле очага.

Сэйгэн принёс ему ужин, но мальчик почти не притрагивался к еде.

Перед ним лежал семейный амулет.

Он вращал его в пальцах, вспоминая отца.

Вспоминал, как тот исправлял его стойку, учил писать иероглифы и объяснял, что настоящий воин должен прежде всего научиться владеть собой.

Теперь эти слова казались особенно важными.

Харуто поднял голову.

— Сэйгэн.

Старик, сидевший возле окна, повернулся.

— Да?

— Я хочу стать сильным.

— Это ты уже говорил.

— Но теперь я хочу понять, как стать воином, которым хотел видеть меня отец.

Сэйгэн внимательно посмотрел на него.

— А как ты думаешь, каким он хотел тебя видеть?

Харуто задумался.

— Не жестоким. Не трусом. Человеком, который защищает других.

Старик слегка кивнул.

— Хорошо.

Мальчик продолжил:

— Но я всё равно хочу найти Курогири.

— Я не собираюсь запрещать тебе искать ответы о прошлом своей семьи.

Харуто поднял глаза.

— Значит, вы мне поможете?

— Если решу, что это не погубит тебя.

— А когда вы решите?

Сэйгэн усмехнулся.

— Ты опять торопишься.

Поздно ночью старик вышел на крыльцо.

Небо было чистым. Над горами сияли звёзды, а в долине виднелись слабые огоньки далёких поселений.

Сэйгэн стоял неподвижно, держа в руке старую металлическую пластину.

Он вспоминал Масанори.

Вспоминал их совместные походы, долгие разговоры возле костра и тот день, когда они впервые столкнулись с людьми Курогири.

Сэйгэн понимал, что если возьмётся обучать мальчика, то тем самым снова окажется втянутым в борьбу, от которой когда-то пытался уйти.

Он не хотел этого.

Но теперь у него было ещё меньше причин оставаться в стороне.

Внутри хижины спал Харуто.

Ребёнок, которого Масанори доверил бы ему, если бы мог.

Старик посмотрел на тёмные вершины.

— Я обещал тебе, что не вернусь к мечу, Масанори, — тихо произнёс он. — Но, похоже, твой сын нуждается в том, чего я ещё могу его научить.

Он убрал пластину и вернулся в дом.

Утром Харуто проснулся от стука деревянного меча о каменную площадку.

Он вышел наружу и увидел Сэйгэна.

Старик стоял посреди двора, держа два тренировочных меча.

— Подойди, — произнёс он.

Харуто остановился.

— Вы хотите тренироваться?

— Нет.

Старик протянул ему один из мечей.

— Я хочу посмотреть, что ты умеешь.

Мальчик осторожно взял оружие.

— А если я всё испорчу?

Сэйгэн усмехнулся.

— Тогда начнём с самого начала.

Харуто посмотрел на деревянный меч.

Впервые за много дней он почувствовал, что впереди может быть что-то кроме бесконечной дороги.

— Я готов.

Старик занял позицию.

— Посмотрим.

Два вопроса изменили направление мыслей мальчика. Но только предстоящие испытания покажут, сможет ли он пройти путь воина, не потеряв себя.

Глава 10. Испытание молчанием

Утро выдалось холодным.

Горные вершины ещё скрывались в тумане, а на траве блестели капли росы. Ветер осторожно покачивал ветви сосен, и где-то в глубине леса раздавался протяжный крик птицы.

Харуто вышел из хижины, держа в руках деревянный меч. После вчерашнего разговора с Сэйгэном он почти не спал. Мысли о предстоящем обучении не давали ему покоя. Мальчик представлял, как старик начнёт показывать ему сложные приёмы, научит владеть настоящей катаной и расскажет о тайных техниках, которыми пользовались воины прошлого.

Сэйгэн находился возле колодца.

Он набирал воду в деревянное ведро.

— Доброе утро, — произнёс Харуто.

Старик не ответил.

Мальчик решил, что тот не услышал.

— Сэйгэн!

Отшельник спокойно поднял ведро и направился к дому.

Харуто последовал за ним.

— Вы обещали посмотреть, чему я научился.

Старик поставил ведро возле двери, вошёл внутрь и начал готовить завтрак. Он действовал так, словно мальчика рядом не было.

Харуто нахмурился.

— Вы меня слышите?

Сэйгэн продолжал заниматься своими делами.

Мальчик почувствовал раздражение.

— Что происходит?

Старик наконец повернулся.

— Сегодня ты не будешь говорить.

Харуто удивлённо посмотрел на него.

— Что?

— Ни одного слова до захода солнца.

— Но...

Сэйгэн поднял руку.

— Испытание начинается сейчас.

Харуто хотел возразить, однако старик уже отвернулся.

Мальчик опустил деревянный меч и недовольно вздохнул.

Ему казалось, что это самое странное начало обучения, какое только можно было придумать.

После завтрака Сэйгэн вывел Харуто во двор.

На деревянной стойке лежали две небольшие корзины. Рядом находились пустой сосуд для воды и несколько поленьев.

Старик указал на сосуд, затем на горную тропу.

Харуто понял, что должен принести воду.

Он взял сосуд и отправился к ручью.

Тропа была узкой и извилистой. Камни после ночного дождя оставались скользкими, поэтому мальчик двигался осторожно. Несколько раз он хотел ускориться, но вспоминал о запрете разговаривать и невольно начинал прислушиваться к окружающим звукам.

Он слышал собственные шаги.

Шелест травы.

Пение птиц.

Шум воды, который становился громче по мере приближения к ручью.

Раньше Харуто почти не обращал внимания на подобные вещи. Он привык разговаривать с матерью, слушать наставления отца или играть с деревенскими детьми. Даже во время тренировок Масанори часто объяснял каждое движение.

Теперь вокруг была только тишина.

И в этой тишине привычные звуки казались совершенно другими.

Когда Харуто вернулся, Сэйгэн сидел возле деревянного навеса и перебирал высушенные травы.

Старик посмотрел на полный сосуд и указал на корзины.

Затем показал рукой на небольшую поляну за хижиной.

Мальчик понял, что теперь нужно собрать сухие ветки.

Он взял корзины и направился к лесу.

Работа оказалась несложной, но требовала терпения. Влажные ветви были практически бесполезны для растопки, поэтому Харуто приходилось внимательно осматривать землю, выбирая только сухую древесину.

Сначала он торопился.

Потом заметил, что корзина быстро наполняется бесполезными ветками, и начал действовать внимательнее.

В какой-то момент он услышал лёгкий шорох.

Харуто поднял голову.

На небольшом камне сидела птица. Она внимательно смотрела на мальчика, слегка поворачивая голову.

Харуто замер.

Птица не улетала.

Мальчик осторожно протянул руку, но она мгновенно взмахнула крыльями и исчезла среди деревьев.

Харуто улыбнулся.

Он подумал, что, возможно, именно это и имел в виду Сэйгэн, когда говорил о необходимости наблюдать.

К полудню корзины были наполнены.

Харуто вернулся к хижине и поставил их возле навеса.

Сэйгэн осмотрел собранные ветви, выбрал несколько подходящих и отложил остальные.

Затем протянул мальчику небольшой топорик.

Харуто удивился.

Старик указал на поленницу.

Нужно было расколоть дрова.

Мальчик взял топорик обеими руками и попробовал поднять одно из поленьев на колоду. Древесина оказалась тяжелее, чем он ожидал.

Он несколько раз промахнулся, после чего наконец расколол небольшое полено.

Сэйгэн наблюдал за ним издалека.

Харуто продолжил работу.

Через некоторое время руки начали уставать. Мальчик хотел попросить разрешения отдохнуть, но вспомнил условие испытания.

Он посмотрел на старика.

Сэйгэн сидел возле навеса и спокойно пил чай.

Харуто нахмурился.

Ему казалось несправедливым, что наставник просто наблюдает, пока он выполняет всю работу.

Он бросил топорик на землю.

Сэйгэн поднял глаза.

Их взгляды встретились.

Старик ничего не сказал.

Харуто понял, что именно этого от него и ждут.

Он поднял инструмент и продолжил.

Но теперь старался не торопиться и распределять силы.

После полудня Сэйгэн пригласил мальчика в небольшой сад возле хижины.

Там находился старый каменный фонарь, окружённый мхом и низкими кустарниками. Рядом росло несколько небольших деревьев, а между камнями пробивалась трава.

Старик указал на землю.

Харуто присел.

Перед ним лежали три небольших предмета: сухой лист, гладкий камень и тонкая веточка.

Сэйгэн показал на них, затем на мальчика.

Харуто не сразу понял, чего от него хотят.

Старик поднял один палец, затем указал на деревья.

После этого отошёл в сторону.

Мальчик понял, что должен наблюдать за окружающим миром и запоминать увиденное.

Он сел возле каменного фонаря.

Первые минуты ничего особенного не происходило.

Ветер шевелил ветви, солнце постепенно перемещалось по небу, а небольшие насекомые ползали по траве.

Харуто начал скучать.

Он посмотрел на Сэйгэна, но тот занимался своими делами.

Мальчик снова перевёл взгляд на деревья.

Вскоре он заметил несколько муравьёв, которые тащили небольшую сухую травинку. Затем увидел ящерицу возле камня. Она неподвижно лежала на нагретой солнцем поверхности.

Харуто начал различать то, чего раньше не замечал.

Тени двигались по земле.

Листья меняли положение под порывами ветра.

Ветви разных деревьев звучали неодинаково.

Один звук был низким и глухим, другой — лёгким и почти шуршащим.

Постепенно мальчик перестал смотреть на часы, которых у него не было.

Время словно потеряло значение.

Через некоторое время он услышал странный звук.

Тонкий треск донёсся со стороны леса.

Харуто поднял голову.

Сначала ничего не увидел.

Затем заметил, как несколько птиц одновременно покинули ветви высокого дерева.

Он посмотрел туда, откуда они взлетели.

Между стволами мелькнуло что-то небольшое.

Возможно, зверь.

Мальчик хотел встать, но остановился.

Он вспомнил уроки отца.

Не торопись.

Сначала смотри.

Затем думай.

Харуто продолжил наблюдать.

Вскоре из-за дерева появилась небольшая лисица. Она осторожно пересекла поляну, остановилась возле камней и исчезла среди кустарников.

Мальчик невольно улыбнулся.

Он хотел рассказать Сэйгэну о том, что увидел, но вспомнил испытание.

Поэтому просто продолжил сидеть.

Когда солнце начало опускаться к горам, старик подошёл к Харуто.

Он присел рядом и посмотрел на три предмета, которые лежали перед мальчиком.

Затем указал на них.

Харуто понял, что должен ответить, хотя говорить ему всё ещё запрещалось.

Сэйгэн поднял сухой лист.

Мальчик показал на высокую сосну, возле которой тот упал.

Старик поднял камень.

Харуто указал на небольшой ручей.

Затем Сэйгэн взял веточку.

Мальчик показал на кустарник, откуда, по его наблюдениям, прилетела птица.

Старик внимательно посмотрел на него.

— Хорошо.

Харуто удивился.

Это было первое слово, которое он услышал от наставника за весь день.

Сэйгэн поднялся.

— Испытание окончено.

Мальчик сразу заговорил:

— Наконец-то! Я думал, вы заставите меня молчать до самой ночи!

Старик усмехнулся.

— Значит, ты всё это время думал только о том, когда закончится испытание?

Харуто замолчал.

Сэйгэн посмотрел на него.

— Теперь расскажи, что ты услышал сегодня.

— Птиц. Ветер. Воду. Ещё лисицу видел.

— А что-нибудь необычное?

Мальчик задумался.

— Утром возле ручья я слышал, как ломалась ветка. Но никого не увидел. Потом птицы одновременно улетели с дерева.

— Что ты подумал?

— Что там может быть зверь.

— И что ты сделал?

— Остался наблюдать.

Сэйгэн одобрительно кивнул.

— Хорошо. А теперь скажи, почему я заставил тебя молчать?

Харуто задумался.

— Чтобы я научился слушать?

— Это часть ответа.

— Чтобы замечать то, чего раньше не замечал?

— Уже лучше.

Старик сел на каменную ступеньку.

— Большинство людей слишком заняты собственными словами. Они говорят, спорят, доказывают свою правоту, но почти не замечают, что происходит вокруг них. Они слышат только то, что хотят услышать.

Он посмотрел на лес.

— Настоящая внимательность начинается тогда, когда человек перестаёт постоянно вмешиваться в окружающий мир.

Харуто сел рядом.

— Но ведь молчать не значит быть внимательным.

— Верно.

Сэйгэн повернулся к нему.

— Можно молчать и ничего не замечать. Можно говорить и при этом понимать происходящее лучше других. Дело не в количестве слов, а в способности управлять своим вниманием.

Старик поднялся и направился к тренировочной площадке.

Харуто последовал за ним.

Сэйгэн взял два деревянных меча и один протянул мальчику.

— Теперь проведём небольшую тренировку.

Глаза Харуто загорелись.

Наконец-то!

Он быстро занял позицию.

Старик встал напротив него.

— Сегодня ты не будешь нападать первым.

Харуто кивнул.

Сэйгэн поднял деревянный меч.

Мальчик внимательно следил за руками наставника, стараясь предугадать направление движения.

Первый удар оказался быстрым.

Харуто едва успел отступить.

Второй удар пришёлся по плечу.

Мальчик поморщился.

— Вы слишком быстро двигаетесь!

Сэйгэн опустил меч.

— Ты снова заговорил раньше, чем подумал.

Харуто замолчал.

— Что ты заметил?

— Вы подняли руку.

— Ещё?

Мальчик задумался.

— Вы перенесли вес на переднюю ногу.

— Верно.

— И посмотрели в сторону моего плеча.

Старик слегка улыбнулся.

— Значит, ты начинаешь понимать.

Они повторили движение.

На этот раз Харуто успел отступить прежде, чем деревянный меч коснулся его плеча.

Он обрадовался.

Но Сэйгэн сразу изменил направление удара и коснулся его бедра.

— Ты заметил мою руку, но забыл следить за остальным телом.

Харуто недовольно опустил меч.

— Я уже почти научился!

— Почти — это ещё не научился.

Старик вернулся в исходную позицию.

— Ещё раз.

Тренировка продолжалась недолго.

Сэйгэн не хотел перегружать мальчика после нескольких дней болезни и голодания. Но даже короткого занятия оказалось достаточно, чтобы Харуто понял одну важную вещь.

Он привык сосредотачиваться на оружии противника.

Теперь же ему предстояло учиться замечать всё остальное.

Положение ног.

Распределение веса.

Дыхание.

Расстояние.

Малейшие изменения в движениях.

Меч был лишь частью человека, который его держал.

Когда занятие закончилось, Харуто был совершенно измотан.

Он сел на землю и положил деревянный меч рядом.

— Я сегодня очень устал.

Сэйгэн посмотрел на него.

— Но ты не бросил оружие.

— Потому что вы бы заставили меня продолжить.

Старик рассмеялся.

— Возможно.

Вечером они сидели возле очага.

Харуто ел рис с овощами, а Сэйгэн пил чай.

За окном постепенно темнело. Где-то вдалеке перекликались ночные птицы.

Мальчик наконец решился задать вопрос.

— Сэйгэн, а вы всегда были таким внимательным?

— Нет.

— А когда научились?

Старик поставил чашку.

— После одной ошибки.

— Какой?

Некоторое время он молчал.

Затем начал рассказывать.

— Много лет назад мне поручили сопровождать небольшой отряд через горный перевал. Нас было шестеро. Мы должны были доставить сведения одному военному командиру.

Харуто внимательно слушал.

— Дорога казалась безопасной. Я проверил тропу, осмотрел деревья, убедился, что поблизости нет следов противника. Но я допустил одну ошибку.

— Какую?

— Я был уверен, что опасность должна появиться передо мной.

Сэйгэн посмотрел на огонь.

— Мы не заметили людей, которые следовали за нами несколько дней. Они изучили наши привычки, знали, когда мы отдыхаем и где разводим костёр. В конце концов они устроили засаду.

— Вы проиграли?

— Мы потеряли двух человек. Остальные получили ранения.

Харуто опустил глаза.

— Это были Курогири?

Сэйгэн кивнул.

— Тогда я впервые понял, что внимательность не заключается в том, чтобы просто смотреть по сторонам. Нужно понимать, что именно ты ищешь, и допускать, что опасность может прийти оттуда, откуда ты её совсем не ждёшь.

— И после этого вы ушли в горы?

— Не сразу. Я ещё долго служил. Но однажды понял, что слишком много лет посвятил войнам и слишком мало — собственной жизни.

Харуто задумался.

— Вы жалеете об этом?

Сэйгэн посмотрел на него.

— О том, что научился сражаться? Нет. О том, что слишком поздно научился останавливаться? Возможно.

Позднее, когда мальчик уже собирался спать, Сэйгэн остановил его возле двери.

— Харуто.

— Да?

— Сегодня ты узнал одну вещь. Завтра узнаешь другую.

Мальчик улыбнулся.

— Значит, завтра будет новая тренировка?

— Возможно.

— С мечом?

Сэйгэн усмехнулся.

— Возможно.

Харуто хотел спросить ещё что-нибудь, но заметил выражение лица старика.

Он решил промолчать.

Сэйгэн внимательно посмотрел на него и кивнул.

— Кажется, сегодня ты кое-чему научился.

Мальчик вошёл в комнату.

Сэйгэн остался возле очага.

Он посмотрел на старую металлическую пластину, лежавшую на полке.

Слова Харуто о нападении на Акахару не давали ему покоя.

Если Курогири уничтожил деревню из-за документов, значит, клан по-прежнему ищет сведения о старом заговоре. А если они узнают, что сын Масанори жив, рано или поздно начнут искать и его.

Сэйгэн поднялся, подошёл к сундуку и открыл его.

Внутри лежали старые свитки, несколько писем и предметы, которые он не доставал уже много лет.

Среди них находился потрёпанный документ с печатью военного советника.

Старик осторожно развернул его.

Внизу сохранилась подпись человека, чьё имя он надеялся больше никогда не увидеть.

Сэйгэн долго смотрел на неё.

Затем свернул документ и положил обратно.

Он понимал, что прошлое снова начинает приближаться.

Но теперь рядом с ним находился мальчик, который ещё только учился держать меч.

И прежде чем однажды отправить его навстречу опасности, Сэйгэн должен был научить его гораздо более важному искусству.

Искусству сохранять разум, когда сердце требует мести.

Глава 11. Искусство невидимого движения

Утро в горах было прохладным.

Солнце только начинало подниматься над вершинами, окрашивая облака в бледно-розовые оттенки. На склонах ещё сохранялся туман, а между деревьями медленно рассеивалась ночная прохлада. Ветви старых сосен покачивались под лёгкими порывами ветра.

Харуто проснулся от негромкого стука.

Он открыл глаза и увидел, что рядом с дверью стоит Сэйгэн. В руках старик держал два небольших деревянных меча.

— Вставай.

Мальчик сел на футоне и протёр глаза.

— Уже пора тренироваться?

— Ты хотел стать воином. Или передумал?

Харуто поспешно поднялся.

— Нет!

Сэйгэн протянул ему одежду.

— Тогда умывайся. Сегодня мы покинем поляну.

— Куда отправимся?

— В лес.

Харуто обрадовался. Он ожидал, что наконец начнутся настоящие занятия боевым искусством.

Однако старик забрал оба деревянных меча и оставил их возле двери.

— А оружие?

— Сегодня оно тебе не понадобится.

Мальчик удивлённо посмотрел на наставника.

— Но как же тренировка?

— Именно на неё мы и отправляемся.

Они покинули хижину ещё до восхода солнца.

Сэйгэн шёл впереди, неся небольшую сумку с припасами. Харуто следовал за ним, стараясь не отставать.

Тропа постепенно поднималась вверх, петляя между деревьями и большими камнями. Иногда им приходилось проходить через густые заросли, иногда — пересекать небольшие открытые поляны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.